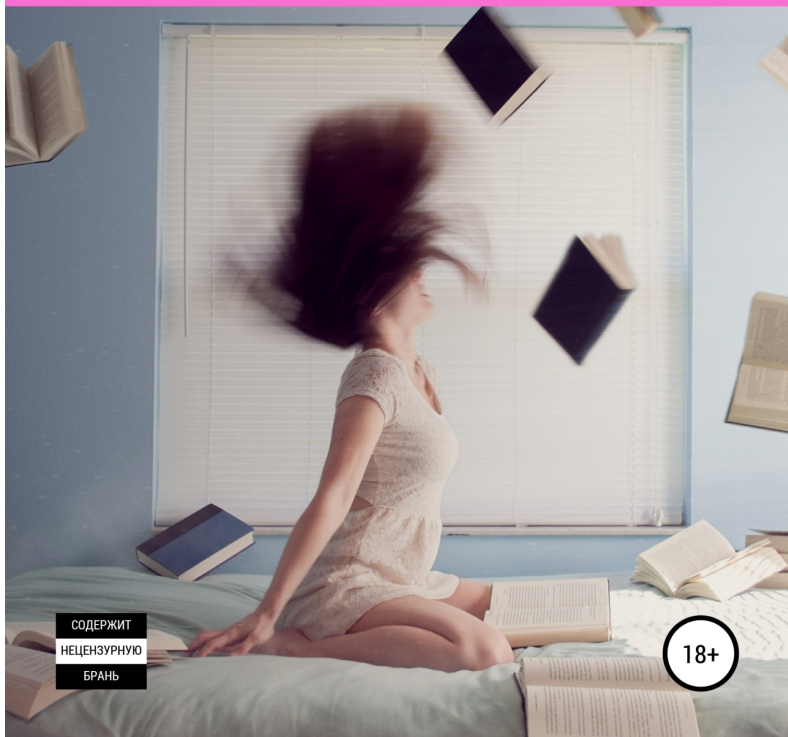

Литтмегалина ГОД ДУРАКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Литтмегалина Год дурака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48650195

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-06321-1

Аннотация

Соне исполняется 30 лет. Съемная квартира, вечное недовольство своим весом, должность ассистентки, безнадежная любовь к боссу и полное одиночество – радоваться нечему. Дошедшая до отчаянья, она дает себе обещание наладить свою жизнь в течение года. Решили – приступаем! В своих мечтах она видит принца на белом коне, увозящего ее к прекрасному замку на вершине холма... Но каждое свидание оборачивается бедствием... в борьбе с лишним весом упорно побеждает вес... а новая начальница просто выносит мозг! Тем временем у Сони появляется новый сосед – 22 года, блондин, разгильдяй...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1: День дурака	5
Глава 2: Новая женщина	31
Глава 3: Вечер с Тайрой Бэнкс	62
Глава 4: Секрет идеального свидания	94
Глава 5: Ужасный ребенок	141
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Литтмегалина

Год дурака

Эта книга написана на основе реальных событий. Все совпадения с реально существующими людьми и начальниками считать неслучайными.

Глава 1: День дурака

Я находилась в огромном мрачном помещении, стены которого покрывали порыжевшие от ржавчины металлические пластины. Не очень-то уютно. Что я вообще здесь делаю? Кто-то шел ко мне из темноты... человек, одетый в коричневую военную форму и черные сапоги. Косая, прилипшая ко лбу челка и усы щеточкой не оставляли сомнений, и все равно я глазам своим не поверила. Это же...

В руке его болтался обитый железом, очень тяжелый на вид дипломат. Пока я размышляла, будет ли уместным приветствие (с одной стороны, промолчать невежливо, с другой – человек нехороший), Гитлер раскрыл дипломат, и на бетонный пол, жалобно звякая, посыпались жестяные и пластмассовые будильники самых разных форм и расцветок.

– А... а зачем вам столько будильников? – спросила я, робея пред столь зловещей персоной.

– Я их ловлю и убиваю, – ответил Гитлер со слабым немецким акцентом.

Внезапно у него в руках появился большой тяжелый молоток. Замахнувшись, он обрушил на груды будильников несколько ударов, и осколки цветной пластмассы брызнули во все стороны.

– За что вы так поступаете с ними? – ужаснулась я, глядя на останки поверженных будильников.

– Они очень противно кричат.

Смутно чувствуя, что Гитлер не прав, я начала спорить:

– Но разве можно убивать кого-то только за то, что у него неприятный голос?

– А ты послушай сама, – предложил Гитлер и, подняв большой жестяной будильник, завел его.

Будильник начал звонить, и его пронзительный вопль усилился эхом от металлических стен. Я почувствовала боль в ушах и закрыла их ладонями. Но продолжала слышать эти трели внутри, прямо у себя в голове. Как иглы, они вонзались в мой мозг.

– Убей эту штуку! – закричала я истерически. – УБЕЙ!

И проснулась. Я тяжело дышала. Будильник (настоящий, мой), судя по его охрипшему писку, надрывался уже полчаса. Я выключила его и минут пять лежала бревном, успокаиваясь и приходя в себя. Потом я вспомнила, какой сегодня день, и покой как ветром сдуло. 2011 год, очередное первое апреля. *Тот самый день*. Ну все, жди беды. Я выбралась из постели и накинула розовый халат. Обеспокоенно взглянула на пасмурное утро за окном и сдвинула шторы обратно. Какое там все депрессивное, брр.

Я почистила зубы, сварила пару яиц, налила кофе в веселенькую кружку в горошек, но все еще ощущала гадостный холодок внутри. Когда был мой последний день рождения, не отмеченный скорбью, сожалением и фрустрацией? В день, когда мне исполнилось шесть, умер мой хомячок. На девят-

тилете я обварила руку кипятком. На одиннадцатый день рождения я подарила сама себе любовный роман, но мама заявила, что это порнография, и выбросила его вон. Кажется, мне не везло с самого начала...

Мама родила меня первого апреля, в День дурака. Пытаясь компенсировать это обстоятельство, она отменила Александру и назвала меня София – «мудрость». Вся моя дальнейшая жизнь свидетельствовала, что номер не прошел. Зато дома меня звали Соней, и вот это, к несчастью, подействовало. Сейчас, стоя на крошечной кухне съемной квартиры, я не могла избавиться от ощущения, что проспала все, что только можно. Пока мои знакомые и приятельницы выходили замуж, рожали детей и продвигались по карьерной лестнице, я валялась под утолщающимся слоем пыли, и кроме мелочей, вроде расцветшей фиалки или покупки новой помады, со мной не случилось ничего хорошего.

Этот день рождения хуже всех предыдущих. Столько лет мне еще никогда не исполнялось.

Я попыталась утешить себя. В конце концов, когда мне стукнуло двадцать девять, это было ненамного хуже двадцати восьми. Почему же в тридцать я чувствую себя совершенно растоптанной? «Потому что Миллисент было двадцать девять, и Розалин, и Мелоди», – ответила я себе. Я попыталась вспомнить роман, где героине уже исполнилось бы тридцать, и не смогла. В моей скромной коллекции из пяти-сот экземпляров таких не нашлось.

7.20. Пора бы уже одеваться. Я распахнула шкаф, и тут оно сверкнуло, как луч света в темном царстве, заставив меня забыть, что Дженни из «Королевства грез» было всего-то семнадцать. Я провела по платью ладонью – белая, глянцеви-тая ткань. Учитывая цвет, оно должно было полнить, но чудесным образом подчеркивало нужные изгибы и скрадывало лишние выпуклости так, что я переставала узнавать свое тело. Правда, в магазине я даже не смогла застегнуть молнию. Но платье все же купила, потратив половину зарплаты. Есть одежда на вырост, а есть на похудение. В качестве мотивации. Хотя я больше нуждалась в стимуле – именно в изначальном древнеримском значении слова: «палка для погоня-ния скота», которой бы меня отгоняли от шоколадок и булок.

Уже год платье висело в шкафу, ожидая своего часа. Судя по состоянию моей фигуры, час еще не настал, так что я решила его поторопить. Скинув халат, я отважно пролезла в узкую белую трубу и заломила руки за спину, дергая за мол-нию, чтобы ее застегнуть. Грудь подобрать! Живот втянуть! Зад уменьшить силой мысли! Поехали, как сказал кто-то в не менее ответственной ситуации. И я влезла! Запыхавша-яся и гордая собой, я с удовольствием рассматривала свое отражение, лелея мысль, что может, за год похудела даже на целый килограмм, а что касается весов, так они просто за-вышают из вредности. Ведь застегнулась же молния. Пусть в платье дышать было страшно, но зато оно так замечательно меня стягивало, что я действительно выглядела изрядно по-

стройневшей. Так и пойдут! Пусть все попадают в обморок! Декольте казалось немного провокационным для офиса, но меня уже было не остановить. Где каблук? В таком платье, и без шпилек?! Да, хожу я на них будто на ходулях, но как учиться, если не попробовать?

Через двадцать минут, накрашенная словно китайский клон куклы Барби, с липкими от лака волосами, взбодренная успешным преодолением опасного для жизни спуска по лестнице, я шла к остановке и чувствовала себя суперзвездой. В конце концов, Дженнифер Лопез тоже не худышка. Проезжающий мимо автобус поднял фонтан брызг, и, когда мне удалось уклониться, я почти поверила, что смогу сломать систему. Утро было промозглым, и иногда, теряя самоуверенный вид, я по-птичьи втягивала голову в плечи.

В маршрутке я впиалась в Кэтрин Коултер и потеряла связь с действительностью, едва успев опомниться, когда маршрутка остановилась возле громадного, похожего на замок офисного здания. Странно, но после стольких лет работы здесь это мрачное строение все еще вызывало у меня трепет.

Я вышла из лифта и по бежевому ковру коридора направилась к белой с золотом двери, обозначенной табличкой «Синерджи». Компания «Синерджи», занимающая большую часть четвертого этажа, предоставляла медицинским и фармацевтическим компаниям такие услуги, как: подбор персонала, поддержка системы CRM и прочее-прочее, по большей части до сих пор для меня малопонятное.

Я открыла дверь картой, шагнула в людный вестибюль, и в меня полетело со всех сторон: «С первым апреля, Днем дурака!» К сожалению, моего шикарного вида никто не замечал, а упитанный, облаченный в розовую рубашку менеджер отдела аутстаффинга Александр чуть было не врезался в меня, как будто я была заметна не более, чем бледный призрак в дневном свете. Я ускорила шаг, продвигаясь к своему отделу мимо неотличимых друг от друга стеклянных клетушек. Офис не только походил на пчелиные соты своей ячеистой структурой, но и гудение его наполняло соответствующее.

– Доброе утро, – сказала я Диане, и вместо приветствия она достала из ящика ярко-красный пакет, который протянула мне.

– С днем рождения.

– Что это? – я извлекла из пакета книгу. «Вытяни себя за уши, или как стать человеком, уверенным в себе», гласила обложка. – Забавно.

– Боюсь, прежде чем станет возможным поднять тебя за уши, придется хорошенько пошарить багром.

Я задумалась, не обидеться ли мне, но решила, что не стоит, потому что Диане все как с гуся вода. Вот уж чью уверенность в себе невозможно пошатнуть.

– Ладно, у меня отчет, и вообще дел по горло, так что ты извини, – Диана отвернулась к монитору и застучала по клавишам.

Да уж, обидься на нее. Она и не заметит.

Мы пришли в компанию в один день, на одну и ту же должность. За прошедшее время Диана успела высоко забраться и метила в начальники отдела, в то время как я продолжала топтаться на одном месте, как козочка, привязанная к кольшку.

Иногда я сомневалась, что имею основания считать Диану подругой. Но, за отсутствием других претенденток на эту роль, предпочитала думать так, дабы не давать себе лишней причины для депрессии. Даже сейчас, глядя на Диану, барабанящую по клавишам со скоростью и точностью андроида, я испытывала нечто вроде благоговения.

В отличие от меня, Диана была человеком, держащим свою жизнь под контролем. У нее была семилетняя дочь и мужчина, который строил для них большой дом в пригороде. Невозмутимость и бурятская кровь делали ее похожей на японку: гладкие темные волосы, которые она подстригала, как только они дорастали до плеч, загадочные раскосые глаза. Не верилось, что эта женщина родилась в этой стране и этом городе. Японский язык она, кстати, немного знала. Ее небольшую квартирку украшали выточенные из темного дерева африканские статуэтки, на изящном столике из Италии можно было увидеть книгу на греческом, пол устилали бамбуковые циновки, а вместо халата она надевала настоящее японское кимоно. Даже ее шампунь, в тубике, испещренном китайскими иероглифами, источал таинственный чужеземный аромат, в котором угадывались кора и жасмин.

Вздохнув, я открыла сайт и просмотрела несколько резюме, отмечая, кто из кандидатов на фотографиях симпатичный, а кто не очень. Проверила рабочую почту – ничего интересного. Проверила личную – ничего вообще, даже спамеры не пишут. Почитала о целлюлите у знаменитостей (хорошо, что у них есть целлюлит). Отобрала одно подходящее резюме и два так себе. Сделала несколько звонков. Встала и прогулялась до кухни, нарочито равнодушным взглядом скользнув по информационной доске. Листок именинников висел все тот же, с датами недельной давности. Моего имени на нем не было. Что мне делать? Пойти и напомнить о себе? Нет, это как-то глупо и выглядит, как будто я в отчаянье. Не могут же они совсем забыть про меня.

Вернувшись к своему месту, я заметила на полу скомканный листок и наклонилась, чтобы бросить его в корзину для бумаг. Раздался странный треск, и затем мою спину овеяло потоком прохладного воздуха от кондиционера.

К счастью, Диана соображала быстро. Она схватила меня и поволокла к туалету, где втолкнула в узкую кабинку и процедила:

– Сколько раз повторять, надевая одежду меньшего размера, сама меньше не становишься!

От ужаса с меня полились потоки холодного пота, и ткань под мышками быстро намокла.

– Оно порвалось?! Оно испортилось?

– Нет, просто молния разошлась.

– Ну, так почини ее!

– Она застряла и с места не двигается. Как ты вообще умудрилась втиснуться в платье сорок второго размера?

– Дергай сильнее! Не могу же я ходить по офису с голой спиной!

– Тут и задницу немного видно, – сказала добрая Диана. – Все, додергались. Молния сломалась. Но ты не переживай, вошьешь новую молнию, а потом подаришь эту шмотку какой-нибудь пятикласснице – глядишь, подойдет по размеру.

Я захныкала.

– Сейчас-то мне что делать?

– Секунду, – Диана исчезла, оставив меня в одиночестве, туалете и ужасе, и вернулась с иголкой и ниткой. – Повернись ко мне спиной.

– Ай-яй! – взвизгнула я, когда она ткнула меня иглой. – Больно!

– Ну прости, я впервые этим занимаюсь, – буркнула Диана.

Ее одежду латают ее японские слуги, не иначе.

– Вообще?

– В смысле, с другой женщиной. Да еще и в туалете.

– Не тыкай так грубо!

– Если хочешь нежности, это не ко мне.

Кто-то кашлянул за тонкой перегородкой.

Вывалившись наружу, мы увидели нашу пожилую бухгалтершу, одетую в зеленый, диванной расцветки костюм.

Сквозь толстые стекла очков она взирала на нас с явным осуждением. Диана и ухом не повела, удаляясь величаво, как крейсер. Что-то пробормотав, я бросилась прочь.

Казалось бы, мне еще долго выплакивать мой позор, но на столе меня ждала записка, извещающая, что меня ожидает Ярослав Борисович, и меня зашвырнуло в эйфорию, потом в панику, потом снова в эйфорию.

– Полегче, – покосилась на меня Диана. – У тебя дым из ушей пошел.

Если бы Диана могла понять! Я была обречена на неразделенную страсть к Ярославу Борисовичу со дня собеседования на должность, когда, наконец приглашенная в кабинет после часа ожидания под дверью, впервые остолбенела под взглядом серых, как осеннее море, холодных глаз... Заурядные имя и отчество не были достойны его внешности. Это был невероятно красивый мужчина. Подобно солнцу, он затмевал все остальные звезды. Брэд Питт, Орландо Блум и Леонардо Ди Каприо рядом с ним выглядели бы как дешевые китайские подделки. Солнцеликий равнодушно глянул на меня, задал несколько вопросов, почти не слушая ответов, и резюмировал: «Против вашей кандидатуры у меня возражений нет». К тому моменту я уже была согласна на все, что касается его кандидатуры. Мысленно я сразу начала называть его Роланд и не могла даже представить, что мама этого человека обращается к нему, например, Ярик.

И вот сегодня, в мой день рождения, он вдруг вызывает

меня... С гулко стучащим сердцем я достала из сумки зеркальце и посмотрела на себя. Поправила свои каштановые волосы, привычно сокрушаясь, что не родилась эффектной блондинкой (хотя сколько из них такими родились?). Припудрила нос. Эх, помаду всю съела, срочно обновить! Наткнувшись в сумке на невскрытый тюбик ярко-красной, которую приобрела давным-давно, когда «Гламур» сказал, что это в моде, я, расхорохорившись, намазала ею губы.

Мои руки слегка дрожали, когда я постучала в дверь, но я не сомневалась, что прекрасна как никогда, во всяком случае, выгляжу лучше обычного (надеюсь, Диана сказала правду, что шов почти незаметен).

– Войдите, – услышала я голос Роланда.

Входя, я споткнулась о порог и попыталась компенсировать неловкость улыбкой.

– Садитесь, – предложил Роланд.

– Здравствуйте, – я примостилась на краешке стула, стараясь краснеть меньше, и украдкой посмотрела на Роланда. Губы его были сосредоточенно сжаты, взгляд мог заморозить стакан воды за двадцать секунд, и мне показалось, что я пастушка-простушка, пришедшая на прием к лорду, или вроде того.

– Вы... – он заглянул в свои бумаги, предоставив мне возможность полюбоваться его безупречным прямым носом.

– София, – услужливо подсказала я.

– София. И работаете в нашей компании уже... уже?

– Пять лет.

– Точно, пять лет, – он нашел нужный листок. – Вы пришли в «Синерджи» на должность ассистента отдела по подбору персонала и в настоящее время занимаете ту же должность.

– Да, – печально подтвердила я. Все-таки пять лет проходить в ассистентках это унижительно.

Роланд неопределенно хмыкнул. Свет, просачивающийся сквозь жалюзи, добавлял его волосам серебристый блеск. Этот роскошный мужчина мог бы быть капитаном, стоящим у штурвала корабля, отправляющегося на поиск сокровищ. Он мог бы быть красивым разбойником, который спасает леди, а потом оказывается потерянным герцогом. Или он мог бы быть герцогом, который потом оказывается разбойником, который потом оказывается наследным принцем. Даже Джозанна Линдсей, явно предпочитающая перекаченных волосатиков, его бы одобрила.

– Мы, то есть руководство компании, планируем реорганизацию отдела подбора персонала с целью улучшения качества его работы. Первые изменения ждут вас уже в понедельник. Можете предупредить коллег.

Замерев, я ждала его следующих слов. Взгляд пронзительных, серых, как сталь, глаз, на миг столкнулся с моими глазами, затем опустился ниже и замер на моих губах... Я почувствовала, как меня охватывает жар...

– Помада, – сказал Роланд.

– Помада? – я захлопала глазами от неожиданности.

– Она слишком яркая. Это непозволительно.

– Простите... извините, – я суетливо провела по губам ладонью, желая провалиться сквозь землю.

Роланд продолжил медитировать на свои бумаги.

– Проанализировав продуктивность каждого в отделе, я пришел к выводу, что ваши персональные результаты не превышают уровня «удовлетворительно». Но от реорганизованного отдела я буду требовать большего. Это означает, что, если вы не повысите свою эффективность как минимум в два раза, вам придется оставить компанию.

По мере осознания его слов из моих глаз выступали слезы. Тело вдруг стало как ватное, и, покачнувшись, я вцепилась в край стола.

– Я плохо работаю? Вы хотите уволить меня?

– В настоящее время компания заинтересована в сотрудниках, нацеленных на получение максимальных результатов и постоянный профессиональный рост. Что касается вашего будущего в «Синерджи», все зависит только от вас. У вас есть ко мне вопросы?

«Да, есть. Как вы можете быть таким жестоким со мной?»

– Нет, – выдохнула я.

– Тогда я вас отпускаю.

Я распрямилась, как туго сжатая пружина, и вдруг услышала: «Дзынь! Дзззынь!» Как будто порвались струны моего сердца. Уж лучше бы это были проблемы с сердцем, по-

надеялась я, но платье уже поползло с плеч. Впервые за всю историю наших отношений Роланд уставился на меня с искренним интересом. У меня было два варианта: развернуться, демонстрируя веснушчатую спину и хлопковые трусы с дельфинчиками, или же как глупое ракообразное пятиться к двери. Я выбрала второе.

– Спасибо за информацию, буду стараться. До свидания!

Рот Роланда приоткрылся, как у героя фильма ужасов, который увидел позади своей приятельницы подозрительного окровавленного человека с ножом, и затем я наткнулась на что-то мягкое. Ни жива ни мертва, я завела руки за спину и нащупала нечто, напоминающее большого плюшевого смешарика, что сидел у меня на комод. «Пузо», – опалила меня страшная догадка, и я в ужасе оглянулась. Гендиректор нечасто радовал нас своим присутствием. Но сегодня был день сплошных сюрпризов.

Я вылетела из кабинета с такой скоростью, как будто мною выстрелили из пушки, и, всхлипывая, ворвалась в свой отдел.

– Ну и вид у тебя, – сказала Диана, обернувшись. – Как у жертвы сексуального домогательства. Или подружки вампира.

– Что?! – я схватила зеркало.

По моему рту была размазана ярко-красная помада! В кабинете Роланда я была так взвинчена, что даже не поняла, что делаю!

Диана посмотрела на часы.

– Так, время обедать. Пойдем-ка сядем в уголок и пообедаем.

Диана снова зашила мое платье (на этот раз наглухо) и немного меня успокоила. Но главной обидой, что вонзилась в меня, как шип розы в сердце соловья, я делиться не стала. Он хочет меня уволить. Я его люблю, а он хочет меня уволить! Как я буду жить без него?

Роланд, видимо, сумел объясниться с гендиректором, потому что о произошедшем эксцессе меня расспрашивать не стали. На кухне тоже пока было тихо, вопреки традиции пафосно поздравлять именинников (с обязательным вручением какой-нибудь фарфоровой безделушки в подарок от «Синерджи»). Тем не менее я не сомневалась, что торжественный час близится, и заказала пиццу на всех, после чего спустилась к вахтерше и оставила ей деньги на случай, если я буду проводить собеседование и не смогу отлучиться к курьеру.

Снова засев возле компьютера, я беспомощно посмотрела в монитор. Рыбки на скринсейвере были так возмутительно безмятежны – невозможно не позавидовать. Напомнив себе, что я должна удвоить свою эффективность, я раскрыла страницу Superjob и придвинула телефон поближе. Все же Роланд раскритиковал не лично меня, а мои профессиональные качества, действительно, не выдающиеся. В последнее время и вовсе едва удастся заставить себя хоть что-то делать.

Роланд, конечно, начальник, но над ним стоит гендиректор и, возможно, кто-то еще, так что в некотором роде он тоже человек подневольный и принужден выполнять свои обязанности – то есть надзирать за рабами рангом пониже. Я должна прийти к правильным выводам, взять себя в руки, добиться того, чтобы Роланд был мною доволен.

После прочищающей мозги внутренней беседы мне таки удалось втянуться в работу. Когда я наконец встала и прошла в кухню за чашкой чая, заодно разминая затекшие ноги, я радостно заметила первые приготовления к торжеству: девочки из отдела аутстаффинга резали апельсины кружочками. Еще немного для вида повозившись у компьютера, я устремилась к кухне, влившись в ручеек коллег. Вокруг большого стола я увидела весь наш отдел, и отделы аутсорсинга – аутстаффинга, и нескольких парней из IT. Все эти люди собрались, чтобы поздравить меня! На сердце потеплело...

Протискиваясь к столу, я почувствовала, как мои губы растягивает дикая, до ушей, улыбка.

– Ребята! Большое спасибо!

Недоумение в обращенных на меня взглядах прервало мою не успевшую развернуться речь. «Что-то не то», – подумала я, а затем заметила горделиво стоящего во главе стола Лешу, начальника айтишников, всем своим видом выражающего готовность принимать поздравления.

– Лешка купил новую машину, – как всегда, с легким ехидством в голосе сообщила мне Аня Лисицова (она была

из моего отдела, но мне так и не удалось установить с ней контакт). – Тортик хочешь?

– Большое спасибо, ребята, что вы устроили все это для Алексея! – прокашлявшись, выдала я и позорно сбежала к себе.

Диана куда-то отошла, и слава богу. После такого количества бед за краткий отрезок времени делиться очередной уже неловко. Про меня все-таки забыли! А я проработала здесь столько лет! Я покорно резала апельсины на дне рождения каждого из них! Меня затопило уныние, такое беспросветное, как будто я жила на дне самого глубокого болота, вся обмотанная тиной. Сегодняшний день был даже хуже моего пятнадцатилетия, когда меня скрутил приступ острого аппендицита. Или двадцатилетия, когда возле кафе собака покусала меня и порвала мое нарядное платье (а после мне еще делали уколы от бешенства). И даже хуже моего двадцатипятилетия, когда мой парень бросил меня, сказав, что он меня, конечно, любит, но есть еще пара девушек, которых он любит больше.

В отчаянье я немного постучалась головой об стол, пользуясь тем, что все на кухне и некому наблюдать мой нервный срыв. Закончив это дело, я увидела, что на монитор вывалилось сообщение о новом письме. Я щелкнула по нему мышкой. Отправитель был мне неизвестен: lerprekon@synergy.com. Текст письма извещал: «Сегодня особенный день для тебя! И тебя ждет особенный подарок! Так

бросайся же в погоню за ним! Первая подсказка плещется в аквариуме с рыбками!» Все это подозрительно напоминало фразочки из каталогов «Еврошоп», тем не менее я заинтриговалась. Отправитель письма явно намекал на мой день рождения. Неужели кто-то все-таки вспомнил про меня и решил устроить мне сюрприз? Да и прогуляться не повредит.

Я спустилась на первый этаж, в холл, где в уютной, с кожаными диванами, зоне ожидания красовался здоровенный аквариум. Действительно, на поверхности воды плавала ярко-розовая капсула из шоколадного яйца. Воровато озираюсь, я достала ее. Найденная внутри записка гласила: «Второй этаж, цветочный горшок в конце коридора». И тут у меня в голове как будто что-то переклинило.

Я обежала все коридоры второго этажа, прежде чем нашла нужный цветочный горшок и прочитала, куда мне двигаться дальше. Каждая записка отсылала меня к следующей, и я бегала со второго этажа громадного офисного здания на четвертый, с четвертого на первый, с первого на третий. Забежала даже на территорию какого-то склада, заставленного шинами.

Позже я так и не смогла найти достойного оправдания своим глупым действиям. Того факта, что я отчаянно нуждалась в конфетке, способной подсластить мой день рожденьевский кошмар, было явно недостаточно, чтобы объяснить мою лихорадочную страсть. Я жаждала этот подарок! Я почти убедила себя, что он будет хорош настолько, что под-

нимет мое настроение хотя бы до средне-паршивого!

На низшей точке моего падения я запустила руку в бачок унитаза и там, среди противной холодной воды, нашла последнюю капсулу. «Тренинговый зал». Хм. Остается надеяться, что меня никто не заметит. Руководство не поощряло праздных шатаний по территории компании.

Мне повезло, зал был безлюден. Столы и стулья аккуратно расставлены вдоль стен. Где же мой подарок? Я почти уверилась, что пала жертвой циничного обмана, когда заметила под одним из столов блестящую коробку. Вот мои руки уже потянулись к ней... и тут чьи-то шаги! Я живо шмыгнула под стол и, прижимая к себе коробку, забилась в угол. Что самое страшное, вошедший направился прямо к этому самому столу, отодвинул стул и сел! Ситуация дополнительно осложнилась, когда я узнала острые, как бритвы, стрелки брюк Роланда! Мое сердце не знало, что ему делать – стоит ли забиться в припадке, подобно средневековому сумасшедшему, праздная близость объекта страсти, или же в ужасе замереть, учитывая, что будет, если объект меня заметит? Бедный Роланд! Сегодня я уже один раз поставила его в дурацкое положение. Второй раз я не переживу стыда. Или Роланд не переживет.

Сжавшись в комок, я старалась не дышать и по возможности раствориться и исчезнуть. Дверь снова распахнулась, и мне вспомнились все эти поговорки, что трое – уже толпа, и что третий – лишний. Особенно если этот третий демон-

стрирует избыточную наблюдательность.

– Слава, у тебя под столом... женщина?! Это уже слишком! Быстро ко мне в кабинет!

Дальнейшее заняло не более секунды: Роланд от неожиданности отшатнулся и завалился назад вместе со стулом, гулко стукнувшись затылком о стену; гендиректор ретировался, оставив нас разбираться с нашим конфузом; я выскочила из-под стола и, судорожно прижимая к себе коробку, предприняла попытку скрыться, но была настигнута Роландом. Схватив меня за руку, он рывком развернул меня к себе. Все это очень напоминало сцену ссоры главных героев из какого-нибудь романа, может даже «Унесенных ветром», но мне было явно не до того, чтобы насладиться романтикой.

– Какого черта вы опять ставите меня в глупое положение?

– Я... я...

– Зачем вы вообще полезли под стол?

Кстати... хотя тогда это казалось хорошей идеей.

– Вы что, издеваетесь надо мной?

– Нет, – ужаснулась я. – Я же вас... я пришла забрать свою коробку!

– К Елизарову, сейчас же!

– Анастасия хочет все объяснить, – провозгласил Роланд, ворвавшись в кабинет гендиректора.

В первую очередь мне хотелось объяснить, что я не Анастасия, но ждали от меня явно не этого. Деваться было неку-

да, пришлось выкладывать все как есть, краснея от стыда. Роланд скрипел зубами, гендиректор задавал вопросы, раскрывающие отягчающие подробности. В ходе допроса я чувствовала себя как школьница, застигнутая за мастурбацией. В итоге с меня взяли объяснительную с письменным изложением позорной истории и обещанием, что я не буду подавать в суд за сексуальное домогательство, после чего выставили вон. «Спасибо, Анастасия», – ледяным голосом произнес на прощание Роланд, хотя я только что при нем написала на бумаге свое имя, и это добило меня окончательно.

Стоя в пустом коридоре и слегка пошатываясь после всех переживаний, я вдруг осознала, что все еще прижимаю к себе коробку. По меньшей мере у меня был мой подарок... Отойдя подальше от гендиректора и разгневанного Роланда, я села на подоконник и сняла картонную крышку. Внутри был слегка увядший, но все еще очаровательный желто-фиолетовый букет. Это были неизвестные мне цветы с крупными изогнутыми лепестками, источающие сильный сладкий запах, и я утонула в них лицом, впервые за весь этот кошмарный день чувствуя удовлетворение...

Прижимая к себе букет, расшатанной походкой пародиста Мэрилин Монро, находящегося в продолжительном запое, я вернулась в отдел подбора персонала.

– Что еще ты сделала с Ярославом? Вы ушли в одном направлении, а потом он вернулся весь взвинченный и чуть не вышиб дверь своего кабинета.

– Не хочется рассказывать об этом еще раз.

Диана обернулась на мой унылый голос.

– Что это за пятна у тебя на лице? Шея тоже грязная...

И откуда букет?

– Я нашла... это мой подарок...

– Какой еще подарок?

Выслушав мои сбивчивые объяснения, Диана хлопнула себя по лбу ладонью.

– Ты что, клюнула на это? Рассылка была на весь офис, никто и задницы не приподнял! А ты, единственная дуручка, купилась?!

– Диана, я сейчас зарыдаю.

– Пошли, – Диана раздраженно вырвала у меня букет и бросила его в корзину для бумаг.

У IT отдела она остановилась и громко, внятно произнесла:

– Мальчики, те из вас, кто придумал эту затею с красящим букетом, – уроды.

Я чувствовала себя совершенно убитой, и добавить к ее словам мне было нечего. Я не издала ни звука, даже когда мы обнаружили запруду в туалете – из того самого бачка, в хитрое устройство которого я так бесцеремонно влезла, хлестала вода. Я осталась спокойна, как смерть, даже когда выяснилось, что пятна не отмываются. Занимая значительную часть моего лица, они образовывали нечто вроде карты Австралии.

– Сама виновата, – развела руками Диана. – Хотя мне тебя все-таки жалко. Почему с тобой постоянно что-то случается?

Когда, оставив Диану зимовать под отчетами, я уходила с работы, вахтерша Зина (вовсе не пенсионерка, а знойная девушка южной наружности) вручила мне восемь коробок с успевшей остыть пиццей.

– Десять раз тебе звонила, а ты все где-то бегала.

Ага, металась, как раненый в зад сайгак по степи. «Сама все сожру, никому не дам», – раздраженно подумала я, забирая тяжелые коробки. Даже если умру от жирового отравления, ну и пусть. И то лучше, чем такая жизнь.

Шатаюсь на высоченных каблуках и изнемогая от отягивающей руки груди коробок, я посылала злобные затравленные взгляды каждому прохожему, заинтересовавшемуся россыпью пятен у меня на лице. Это было то самое ощущение, когда весь мир против тебя.

На автобусной остановке я простояла тридцать минут, прямая и гордая, как Жанна Де Арк перед сожжением, пока мне не удалось наконец втиснуться в одну из маршруток. Плюхнувшись на сиденье, я услышала веселый голос радиоведущего: «Сегодня первое апреля, или День дурака!» «Да, это мой день», – уныло подумала я. «В этот день люди разыгрывают своих друзей и знакомых...» – продолжил ведущий. Сонный мужчина, сидящий напротив, оторвался от своей газеты и уставился на меня, приподняв очки. Девушка с лохматой прической пялилась и вовсе беззастенчиво. Да уж, я

занятое зрелище, можно водить по городу, как медведя!

Стоило мне выпрыгнуть из маршрутки, как небо решило, что именно сейчас хороший ливень будет самое то. Асфальт намок, и в своих туфлях я заскользила по нему, как по катку. Метнувшаяся мимо легковушка окатила меня фонтаном брызг. Я отшатнулась, потеряла равновесие и упала. Коробки полетели на дорогу, содержимое одной из них вывалилось прямо на меня. Я узнала пиццу «Четыре сезона» и флегматично отметила: «Моя любимая». Под моим задом как раз оказалась большая лужа, отчего я почувствовала себя обмочившимся младенцем. Хоть бы та серая машина вернулась и задавила меня, понадеялась я. К сожалению, она этого не сделала, поэтому мне пришлось встать, снять туфли и топать домой, оставив коробки на дороге.

Еще поднимаясь по лестнице своего пятиэтажного дома без лифта, я услышала, как в моей квартире надрывается телефон. Он звенел, и звенел, и звенел, и все еще продолжал звенеть, когда я вошла, бросила ключи у зеркала, стряхнула с плеча сумку.

Вздохнув, я взяла трубку.

– Да, мама.

– С днем рождения тебя, – сказала она с нерешительной интонацией, как будто сомневалась, стоит ли поздравлять с таким событием, как тридцатилетие. – Как на работе?

– Чудесно. Так поздравляли, прямо не знаю, зачем столько возни ради меня, – я завела руку за спину, собираясь рас-

стегнуть молнию, и вспомнила, что платье наглухо зашито.

– Ну, ты не переживай, – продолжила мама, помолчав. – Ты всегда можешь переехать ко мне и бабушке. Хотя бы не будешь совсем одна.

– Мама, многие женщины выходили замуж и после тридцати, даже после сорока... Деми вот вышла замуж за Эшто-на...

– И чем это для нее закончилось? Изменил с какой-то соплячкой. И потом, дочка, Деми Мур хотя бы красивая.

Это была та последняя соломинка, что ломает хребет слону. Вздохнув, я сказала:

– Ладно, мам, меня ждут друзья.

И положила трубку. Оставшись в тишине, я ощутила тебя толстой, невзрачной и старой, застрявшей в своем одиночестве и проблемах так же, как в этом платье. Мне тридцать лет, у меня нет мужа (чего уж там, мне даже и предложения никогда не делали), нет друзей, я живу в маленькой съемной квартирке и, кажется, вот-вот потеряю работу... Включив компьютер, я проверила почту и «в контакте». Ничего от никого. Я внезапно начала плакать и рыдала минут двадцать, не способная остановиться. А потом, еще не кончились слезы, на меня нашел ЖОР.

Выгребая все из холодильника и безжалостно уничтожая, я чувствовала голод, сильный, как боль. После пары яиц, половины черствого батона, полбанки варенья и пакета вермишели быстрого приготовления, терзаемая угрызениями со-

вести и желудка, я решила выпить. Бутылка обнаружилась в шкафу, но штопор куда-то задевался. Устав искать его, в итоге я просто отбила горлышко бутылки о край раковины. Это было немного радикально, да и в вино попали осколки, и мне пришлось процедить его через марлю, отчего оно немного побелело. Не знаю, как это сказалось на вкусе, но сейчас вкус меня не интересовал – я была готова пить чистый спирт.

По мере того, как рос процент алкоголя в крови, настроение мое улучшалось. К ночи я воспарила над своей ямой, глядя на нее с легкой усмешкой. И я поняла, что могу. Я могу изменить свою жизнь. Я потратила тридцать лет зря, но в этом году и минута не будет напрасной. Все изменится. Я обещаю себе.

Духота выгнала меня из комнаты на балкон. Во дворе тусила загулявшая компания, и я вдруг закричала во всю мощь своих легких:

– Очень скоро я выйду замуж!

– Да кому ты нужна, дура! – гаркнули мне в ответ.

Тут со всех сторон в меня полетели ругань и сырая картошка («Два часа ночи, сволочи!» – застонал кто-то на одном из балконов; «У меня дите спит!!!» – истошно завопил кто-то на другом), и я предпочла ретироваться поглубже под козырек. Слегка обескураженная, но не сломленная, я загадочно улыбалась в пространство. Мои глаза, казалось, отбрасывали длинные потоки света, как прожектора.

Глава 2: Новая женщина

Бодун был просто потрясающий: голова раскалывается, желудок просится наружу, да еще этот шум в ушах... хотя в ушах ли? Или со стороны входной двери? Я разлепила один глаз и посмотрела на будильник. Толстая стрелка указывала на шесть. Что-то страшно гроыхнуло, спровоцировав вспышку жестокой головной боли. Так, это уже переходит все границы! На улице темень! Люди спят! Я сползла с кровати, кое-как пригладила волосы и побрела посмотреть, что происходит.

Дверь в наш общий с соседкой «предбанник» оказалась распахнута настежь, как и дверь квартиры соседки. Пол был завален коробками, пакетами и стопками перевязанных веревками журналов. Здесь было даже потрепанное вращающееся кресло. «Что происходит?» – подумала я, и, похоже, получилось вслух, потому что растрепанный парень, внезапно вывалившийся из соседской квартиры, ответил:

- Переезд.
- Вы не могли выбрать другое время?
- Я выбрал удобное для меня время.
- Закон запрещает шуметь с одиннадцати вечера до семи утра!
- И как это меня касается? – буркнул парень.
- А на людей вам наплевать? – возмутилась я.

Он застыл, прижимая к себе коробку и насмешливо рассматривая меня своими синими глазами. Кипя от праведного гнева, я ответила ему вызывающим прямым взглядом. На вид ему было лет двадцать. Светлые волосы топорщились на макушке, как будто его дернуло током, да и россыпь веснушек на носу не добавляла респектабельности. Одежда – широкие, потертые на коленках штаны цвета хаки и майка с Гомером Симпсоном – придавала ему окончательно разгильдяйский вид. «Молодой да наглый», – подумала я ворчливо, как бабушка с лавочки у подъезда.

– Чего вы на меня окрысились? – спокойно поинтересовался парень.

– Грубите?

– Если бы грубил, вы бы сразу это поняли. А я просто спрашиваю.

– Этот шум, который вы производите со своими коробками, выбесит кого угодно.

– Если только у этого «кого угодно» совсем плохо с нервами.

– Я спала, а вы меня разбудили! – взорвалась я.

– Если вы в это время вздумали спать, я не виноват.

– Шесть утра! – закричала я. Его наплевательская невозмутимость бесила меня даже больше, чем если бы он действительно грубил.

– Вообще-то, шесть вечера, – возразил парень и скрылся в соседской квартире.

Чего? Я ретировалась на свою территорию, достала из брошенной на пол сумки телефон и посмотрела на дисплей. 18.22. М-да... Неужели я спала так долго? И как я умудрилась перепутать вечер с утром? Но ведь было же темно... Я заглянула в комнату и хлопнула себя по лбу ладонью: занавески задернуты! Я развела их и сощурила глаза от света. В голове качнулась боль, меня замутило, и я бросилась в туалет.

Утомленно сидя возле унитаза после изнурительного приступа рвоты, я вдруг вспомнила о работе. Боже, что теперь будет! Срочно объясниться! Я рванула к телефону, по пути расшибив колено о тумбочку в коридоре, и увидела на дисплее: «СБ». Да что со мной сегодня?! Никогда больше не буду пить! Изнуренная переживаниями, я повалилась на кровать и снова заснула.

Проснулась в девять, когда темно было уже по-настоящему. Голова по-прежнему болела, проклятое платье было все еще на мне. Я подергала его так и эдак. Бесплезно, зашито намертво. Взяла маникюрные ножницы и попыталась распороть нитки, но на спине это было неудобно, к тому же я боялась испортить платье. Конечно, выглядит оно сейчас отвратительно, но с помощью отбеливателя и швейной машинки я смогу все исправить. Главное, сначала его снять.

Я позвонила Диане. Она ответила не сразу, и по доносящимся голосам и музыке я поняла, что она не дома и не одна. «Да так, ничего, извини», – сказала я и нажала на сброс. Ес-

ли бы сбросить платье было так же легко. Оно сильно сжимало грудную клетку и живот. Я вдруг почувствовала, что еще немного, и я задохнусь в нем. Что же мне делать?

И тут я вспомнила о соседке, Антонине Павловне. Общительностью она не отличалась, но иногда мы одалживали друг другу соль или яйца, по мелочи. Еще как-то она попросила меня погулять с ее собакой, когда сын, который делал это обычно, не смог приехать. Собачка, маленькая болонка, носилась по двору как ненормальная – из дома ее выпускали нечасто, приучив к лотку. Зрение у Антонины Павловны, скорее всего, уже неважное, но можно попробовать.

Я вышла и позвонила в соседнюю дверь. Она распахнулась, и я – снова – увидела того парня.

– Что опять? – осведомился он недовольно.

– А где Антонина Павловна? – тупо спросила я.

– Она умерла. Теперь эту квартиру снимаю я.

Я была шокирована. Умерла! Моя соседка умерла, а я даже не знала...

– У вас есть маникюрные ножницы? – поинтересовалась я на автомате.

Парень оглядел заставленную коробками комнату и честно признался:

– Не знаю. Вам зачем?

Я повернулась и показала ему шов.

– Ага, – он отошел в кухню и быстро вернулся с большим, холодно поблескивающим тесаком. – Думаю, это сойдет.

– А я думаю, нет, – испугалась я.

– Да ерунда, повернись спиной.

С каких это пор он со мной на «ты»? В конце концов, я его старше, пусть проявляет уважение. Я развернулась, намереваясь спастись бегством, но он удержал меня за плечо. Три секунды, и мое тело ощутило долгожданную свободу!

– Спасибо, – смущенно пробормотала я, придерживая платье.

– Не за что, обращайся, – ответил парень, похлопывая по ладони тесаком.

В своей квартире я вдруг заметила свое отражение в зеркале и оцепенела. О нет, все это время я вот так выглядела? Волосы всклокочены, вокруг глаз остатки вчерашнего макияжа, на носу пятна, оставленные треклятыми цветами, на платье жирные следы от пиццы! Чудовище! Что тот парень обо мне подумал? Неудивительно, что он посматривал на меня как-то странновато... Я в своем репертуаре: новый сосед не успел даже вещи разобрать, а я уже дважды перед ним опозорилась.

Я пошла утопить свои переживания в ванне с пеной и там же вспомнила о своих вчерашних клятвах. С сегодняшнего дня у меня началась новая жизнь, а я сама новая женщина. К сожалению, пока я неотличима от себя прежней, и даже пятна на лице те же самые. Я взяла тюбик со скрабом и принялась тереть их. После получаса усилий кожу изрядно саднило, но пятна поблекли, и это внушало надежду.

Высыпав в кипяток пакет вареников (новой женщине пока придется доедать запасы старой), я подошла к любимому стеллажу, плотно забитому книгами в ярких обложках. Стопки книг громоздились даже на верху стеллажа, почти достигая потолка. *Моя прелесть.*

Первый роман, который я прочитала, был «Принцесса» Джоанны Линдсей. Я наткнулась на книгу, когда мы пришли в гости к одной маминой приятельнице (тогда у мамы еще были приятельницы), начала читать и не смогла оторваться, даже когда позвали есть мороженое. Это было словно скачок в другой мир, яркий и немного кукольный. Героиня была стройной, красивой и смелой, и, вживаясь в нее, я забывала о своем толстом теле, постоянно чем-то недовольной маме и той нерешительности, которая каждое утро охватывала меня перед дверями школы.

После «Принцессы» я начала читать романы запоем, и моя мать была в панике, шоке и ужасе. «Это пошлятина! – кричала она, перерывая мою постель в поисках запрятанных удовольствий. – Совсем отупеешь! Читай нормальные книги!» Я не понимала ее. Я прочла так много нормальных книг. Почему бы теперь просто не позволить мне почитать «Похищенную невесту»? Именно романы впоследствии спасли меня от бесповоротного превращения в толстуху – сберегая деньги на них, я перестала покупать шоколадки.

Сегодня, нуждаясь в утешении, я выбрала «Королевство грез».

После ужина удобно расположившись под одеялом, я погрузилась в историю, давно знакомую наизусть, но все еще согревающую мое сердце. Я дочитала книгу до середины и легла поздно.

Мне приснился Ройс Уэстморленд. На своем вороном жеребце он стремительно приближался ко мне... Стоя на благоухающем лугу, я раскрыла Ройсу объятия... и со скорбным криком развернулась, провожая взглядом удаляющуюся конскую задницу.

Несмотря на разочаровывающий сон, проснувшись я бодрая, как огурец. Самое подходящее настроение, чтобы начать работать над собой! Затем мне вспомнились некоторые подробности вчерашнего дня, и я помрачнела. Да, я была очень злая с бодунища и вообще не в себе, но это никак не оправдывает мое поведение с соседом. Я накричала на него, а он потом спас меня из чертова платья... Надо извиниться. Но не потащусь же я к нему просто сказать «простите»...

Подумав, я решила испечь пирог. Когда Миллисент поссорилась с Джонатаном, она испекла ему пирог. Конечно, новый сосед до Джонатана не дотягивает. С другой стороны, его собака и не пачкала мое свежевывстиранное белье.

Поставив тесто подниматься, я раскрыла последний выпуск любимого журнала в поисках идей и вдохновения для самосовершенствования. В связи с весной на каждой странице трещали, что пора заняться телом, чтобы успеть привести его в порядок к лету. Хм, чтобы привести в порядок мою

тушку, понадобится срок до следующего лета. А вот модели, украшающие глянцевые страницы, к лету уже подготовились, хотя холодной зимы им не пережить. Рядом с такими девушками я смотрелась бы как морская свинка. Вот и бедра у меня, как у морской свинки: жирненькие, кругленькие. Журнал прав, мне надо худеть!

С тяжким вздохом я отложила журнал и извлекла из-под кровати весы. Встала на них и, сощурившись от ужаса, посмотрела на стрелку. Она остановилась на 64. Даже больше, чем в прошлый раз! И это при росте 163! Катастрофа! Чтобы отвлечься от шокирующей истины, я вернулась к журналу. Статья, обнаружившаяся в разделе «Психология и советы», была как раз кстати. В ней рекомендовали завести специальный блокнот, записать в нем свои цели и предполагаемый срок их достижения, а также отмечать все успехи на намеченном пути. Порывшись в ящиках стола, я нашла розовый блокнот с Белоснежкой на обложке. Первые его страницы были исписаны, но я их вырвала и зачарованно уставилась на чистый лист. Мне казалось, этот момент решает все. Итак, приступим.

В течение года я должна:

Похудеть

(Я написала первое, что пришло в голову, но потом вспомнила, что журнал советовал обозначать цели четко, ведь похудеть можно и на 200 грамм, и добавила:)

на 10 кг.

(Это меньше, чем 1 кг в месяц, справлюсь)

Получить на работе повышение.

(«Или найти другую, когда меня выгонят с этой», – мысленно добавила я)

Найти новые увлечения или научиться чему-то новому.

(Помнится, в прошлом году я посадила кактус и связала носок, один)

Стать увереннее в себе.

(Для этого достаточно стать менее неуверенной)

Подружиться с кем-нибудь.

(Хотя бы с парой уличных кошек)

Прочитать основные произведения Достоевского.

(Как только, так сразу)

Завести домашнее животное.

(Учитывая, что квартира съемная, я могу позволить себе плюшевого кота или парочку шипящих мадагаскарских тараканов в плотно закрытой банке)

И самое главное:

Выйти замуж за Роланда.

(Это невозможно, оставь эту идею)

Найти мужчину, за которого я выйду замуж.

(Запойно пьющий сантехник Подлюков из ЖЭКа тоже мужчина. Конкретнее, чего, вернее, кого, я хочу)

Он должен быть таким:

Брюнет.

(Роланд не брюнет, но Роланд – исключение)

Рост не менее 185 см и не более 230 см.

(В конце концов, в моей квартире высота потолков всего два с половиной метра)

Состоятельный.

(Не то чтобы я нуждалась в материальной поддержке, но самой содержать мужчину мне не по средствам)

Умный.

(Может, и мне чего подскажет)

Старше меня не менее, чем на год, и не более, чем на пять

(Мальчишки мне не нужны, но стоит помнить, что мужчины умирают раньше. Не хотелось бы рано овдоветь. Если подумать, все эти любовно-романные рыцари, которым вечно слегка за тридцать, почти трупы, ведь в средневековье средняя продолжительность жизни была около сорока лет)

Уф, даже запыхалась слегка, но, кажется, отлично получилось. Довольная первым успехом, я переместилась в кухню и испекла два пирога (один с вишней, другой с мясом), почитывая «Королевство грез», пока они подрумянивались в духовке. Моя кухня, прогревшаяся, наполненная ароматом выпечки и солнечным светом, была воплощением уюта.

Положив пирог на блюдо с жар-птицами и прикрыв сверху салфеткой, я постучалась к соседу. На этот раз мне открыли далеко не сразу.

– Да? – взгляд у него был какой-то ускользающий, туманный, как будто его одолевали видения.

– Я... здравствуйте... ну, я, в общем, испекла для вас пи-

рог.

Приложив некоторое усилие, сосед сфокусировал на пироге взгляд и заторможенно прокомментировал:

– Здорово.

Секунд пять мы молча стояли и пялились на пирог.

– Э... можно я войду?

– Ну войди, – сосед пожал плечами, вернулся в комнату и сел за компьютер.

Двигался он тоже как-то странно, как будто под водой. Я подумала, что напрашиваться к нему в гости было не лучшей идеей. Вот только почему лучшие идеи все время опаздывают?

Блюдо с пирогом оттягивало руки, и я поставила его на стул, после чего обнаружила, что теперь не знаю, чем занять свои конечности.

– Я хотела извиниться, что накричала на вас вчера.

– Да нет проблем, – он выгреб из кармана несколько белых таблеток и проглотил их, не запивая. – Таблеточки. Жить без них не могу.

Я вдруг заметила, что веки у него покрасневшие и припухшие, и мне вспомнились памятки для родителей вроде «Как понять, что ваш ребенок наркоман».

– Меня зовут София, но можно называть меня Соня, – тонким нервным голоском представилась я.

– Меня зовут Эрик, но можно называть меня... – он задумался, – ...Эрик.

Он запустил на компьютере игру. Человечек, одетый в зеленую военную форму и каску, побежал по экрану.

– Ты извини, но я так занят сейчас, что мне не до тебя.

Солдатик выхватил пулемет и застрочил по выскочившим навстречу ему человечкам. Разлетелись ошметки плоти.

– Понятно. Потом занесите, пожалуйста, блюдо.

– Я занесу. Спасибо за пирог, – апатично протянул Эрик.

Уходя, я обернулась и увидела, как он быстро щелкает мышкой: солдатик, ударяя ножом, крошил тело своего павшего врага на тысячу кусочков.

Только запершись в своей квартире, я ощутила себя в безопасности. Боже мой, ну и сосед! Этот плывущий взгляд... брр! Эрик напомнил мне синюю гусеницу из «Алисы в Стране Чудес», курящую кальян, сидя на грибе. Да парень явно был обдолбан! Что же, теперь он так и будет жить за соседней дверью? Вечно мне везет как утопленнице... Он, видите ли, был очень занят. Играл в отвратительную изуверскую игрушку! Даже коробки свои не разобрал! Ах, Антонина Павловна, мне вас так не хватает...

Я вышла из дома, погуляла по парку, для успокоения нервов покормила лебедей, плескавшихся в грязном пруду. Внезапно мне резко захотелось купить аскорбинку. А почему бы и нет? Есть же у меня простое человеческое право купить аскорбинку. Ноги сами привели меня в аптеку, но остановились почему-то возле *той самой полки*. Конечно, все это не было мне интересно. Я просто посмотреть. «Космополитен»

не рекомендует. И Елена Малышева не рекомендует. Говорят, в девяностые годы выпускались таблетки с глистами. Люди худели, но, конечно, с ущербом для здоровья, некоторые даже умерли. Хотя многие женщины согласятся на все, лишь бы выглядеть стройной, пусть и в гробу. Вот глупые.

– «Супершейп», пожалуйста. Да, большую коробку, – я знала английский плохо, но достаточно, чтобы понимать, что моя шейп отнюдь не супер.

Дома я достала покупку и принялась ее рассматривать. На коробке была изображена девушка той степени стройности и изящности, которую реальные женщины достигают только в мечтах. В рекламе, часто мелькающей на телевидении, утверждали, что «Супершейп», разрушая жировые клетки, поможет легко избавиться от лишних килограммов – без мучительного чувства голода и изнурительных тренировок.

Внутри коробки оказался пакет с желтоватым порошком (теперь никто не сможет сказать, что я опустилась до таблеток для похудения!). Во вкладыше, вложенном в коробку, еще разок напоминалось, что с «Супершейпом» вы худеете, даже если просто смотрите на него. И только в самом низу листка, мелкими буквами, меня уведомили: «Способ употребления: растворите одну чайную ложку препарата «Супершейп» в стакане кипяченой воды. Принимайте три раза в день в качестве замены приемов пищи. Коктейль «Супершейп» содержит все необходимые витамины и минералы, что позволит вам сохранять прекрасное самочувствие.

Для достижения наилучшего результата рекомендуется совмещать потребление «Супершейп» с физическими упражнениями». Замена приемов пищи? То есть я должна пить это и ничего больше не есть? Тут у меня возникло подозрение, что меня облапошили. Впрочем, если две недели жить только на этом, действительно похудеешь...

Я надорвала пакет и понюхала порошок: пахло химическим бананом. С кухни потянуло заманчивым ароматом пирога... Эх, не пропадать же хорошей еде! «Супершейп» подождет до завтра, все равно сегодня я уже съела мороженое. Уж если худеть, так худеть.

К ночи я доела пирог и досмотрела третий сезон «Доктора Хауса». Звонила мама, но я притворилась, что меня нет. В целом это был не такой плохой день.

На завтрак меня ждал «Супершейп». Может, он и был питательным, но по ощущениям это было сложно понять. Едва добравшись до работы, я уже была голодная, как волчица, но решила терпеть. Все за красоту.

– У меня появился новый сосед, Эрик, – сообщила я Диане.

– Наверное, тебе понравился, – флегматично откликнулась Диана.

– Почему?

– Такое имя, как у принца. В Диснеевской «Русалочке», помнишь?

– Нет, он мне совсем не понравился. Кажется, он нарко-

ман, – вздохнула я.

– С чего ты решила?

– Он вел себя неадекватно.

– Мало ли. Посмотрела бы ты на меня, когда в пятницу в половину двенадцатого я наконец добралась до дома после работы.

– Он при мне принимал какие-то таблетки.

– Не спеши делать выводы о людях, – посоветовала Диана, включая компьютер. – Ярослав просил нас всех зайти к нему в 10.00.

– Ты не знаешь, зачем? – заволновалась я. Достав зеркальце из сумки, я осмотрела свое лицо – проклятое пятно еще не сошло полностью, но слой пудры прикрыл его достаточно надежно.

– Понятия не имею.

Ровно в десять наш маленький отдел (Диана, Аня и я) собрался в кабинете Роланда и расселся за большим овальным столом. Роланд явился с небольшим опозданием, ведя за собой девушку, которую мы видели впервые. Элегантно одетая, высокая, стройная, светловолосая, она выглядела так, как будто только что сошла со страниц модного журнала. Вместе с Роландом они составляли неприлично красивую пару – настолько, что хотелось отодвинуть эту девицу от него подальше.

– Доброе утро, – произнес Роланд. – Я извещал вас о грядущих переменах. Итак, наш new great start – Ирина Удало-

ва, с этого дня руководитель отдела по подбору персонала.

Известие произвело странный замораживающий эффект, и в наступившей тишине стал отчетливо слышен звук работающего на этаже принтера. Новость была неординарная, учитывая, что прежде в отделе подбора персонала начальников не водилось – в конце концов, нас же всего три человека. Справившись с первым шоком, я покосилась на Диану. Она сидела с выражением азиатской невозмутимости на лице, хотя удар был нанесен сокрушительный – если кто и должен был возглавить отдел, так только Диана, хотя бы потому, что она уже несколько лет являлась нашим неформальным лидером.

Новопредставленная Ирина выступила вперед и широко, на американский манер, улыбнулась. Я почувствовала, как Диана напряглась.

– Здравствуйте! – голос у нее был бодрый, вполне приятный, хотя и несколько приторный, как карамель «Петушок». – Ко мне можно обращаться просто Ирина, и я надеюсь, что мы с вами составим отличную команду, способную сделать нашу процветающую компанию еще успешнее! Сейчас мне хотелось бы с вами со всеми познакомиться.

– Диана, – Диана встала со своего места и, потянувшись через стол, по-мужски пожала новой начальнице руку. Дианин решительный захват сверху ясно давал понять, как сама подчиненная видит свою позицию, и Ирина поспешила выдернуть руку, переведя взгляд на Лисикову.

– Анна, – скромно улыбнулась Лисикова.

– Со... – начала я, и была бесцеремонно перебита завыванием собственного голодного желудка.

На гладком лице Ирины мелькнула брезгливая гримаска, но затем она лучезарно улыбнулась:

– Приятно со всеми вами познакомиться. Теперь вы можете возвращаться на свои рабочие места.

Уходя, я заметила холодный, пренебрежительный взгляд, который Ирина бросила на меня.

– Эта сучка себя еще покажет, – прошипела Диана, оказавшись у своего компьютера.

– Ты же сказала, не стоит делать скоропалительные выводы о людях.

– О некоторых все сразу ясно.

К обеду Диана разузнала об Удаловой в своих источниках.

– Раньше работала в компании Stuffmax на должности «менеджер по привлечению клиентов». Говорят, была на этом поприще очень неплоха – да уж, не сомневаюсь, пускать пыль в глаза она умеет. В «Синерджи» ее изначально намеревались привлечь на ту же должность, но ее так и распирало от желания руководить. И нас пустили в расход, – Диана мрачно усмехнулась.

Аня тоже сидела подавленная. Может, мне не хватало проницательности, но если что и тревожило меня в нашей новой начальнице, так это ее близость к Роланду. Да и рабочее место ей оборудовали далеко от нас.

Весь день Ирина не показывалась, шныряя где-то по недрам компании. После обеда у меня шло собеседование за собеседованием – я старалась работать как можно лучше. В шесть Аня и я засобирались домой. Вечно перерабатывающая Диана, удивительно, к нам присоединилась.

День был замечательный, весна разошлась вовсю. Молодые листочки на деревьях были яркие-яркие. У меня было бы отличное настроение, если бы сегодня был другой день. Мысленно я называла понедельники черными, потому что именно в этот день недели я должна была навещать маму и бабушку.

Дождаясь на Полевой трамвая, я с трудом преодолевала соблазн позвонить и соврать, что я опять заболела. И так в прошлый раз я еле отговорила бабушку приехать поухаживать за мной.

– Привет, – распахнув дверь, сказала мне мама каким-то сдавленным голосом. Прижав платок к уголку глаза, она подняла взгляд к портрету моего отца, висящему на оклеенной рыжими обоями стене прихожей. Отец смотрел задорно и весело.

Вот черт, как я могла забыть о годовщине... лучше бы сказала, что заболела.

– Привет. Привет, бабушка, – я сделала вид, что ничего не замечаю, хотя знала, что меня это не спасет.

– Ах ты моя сиротка, – бабушка крепко прижала меня к себе и, всхлипнув, всколыхнулась всем телом. Непонятно,

как ей еще удавалось перемещаться по узкому коридору хрущевки. Одета в мягкую юбку и кофту, она походила на громадную стеганую бабу на чайник. – Голодная, небось, после работы?

– Я на диете, – объявила я, но меня уже толкали в сторону кухни. – У меня свой режим питания. Так что я просто попою с вами чаю.

– У меня уже супчик сварен, пироги поспели...

– Диета тебе не поможет, – уверенно заявила мама.

– Почему?

– Такая конституция. Однажды ты станешь такая же толстая, как бабушка. С этим ничего не поделаешь.

– И все-таки я попытаюсь, – упрямо возразила я.

– Не обижай бабушку! Бабушка с утра у плиты! А у бабушки вены!

У меня тоже есть вены, но отпираться бесполезно... Тяжело вздохнув, я взяла ложку. Бабушка уже поставила передо мной полную тарелку щей. Я чувствовала сильный голод, но понимала, что скоро буду вспоминать о нем с ностальгией.

Тяжело опустившись на табуретку, мама снова потеряла уголок глаза платочком.

– Есть новости? – спросила она слегка с надрывом.

– Начальница у нас новая появилась.

– Молодая?

– Да.

– Красивая?

– Да.

– Доча, – вздохнула мама, – тебе будет очень тяжело с ней работать.

Я поперхнулась супом. Прокашлявшись, в свою очередь спросила:

– А у вас как дела?

– Да чего спрашивать, ведь сегодня такой день... Двадцать восемь лет, как папы нет с нами. Тебе только два года стукнуло... помнишь его?

– Помню, – привычно буркнула я, хотя не помнила ничего, как будто отца у меня никогда и не было.

– Он был прекрасный человек. Такой сердечный. А уж какой красавец! На нашем курсе все девчонки только на него и смотрели... но он всегда был мне верен...

Я подняла взгляд на очередной портрет, висящий над кухонным столом. На этой фотографии взгляд моего отца был лиричным, теплым. Мужчина он действительно был очень привлекательный, походил на советского актера. Странно, что я ничего к нему не чувствовала. Он был летчиком и погиб во время парада из-за нелепой ошибки коллеги.

– Пока студенты были, ни копейки лишней не было, а он подарил мне золотое колечко. Тоненькое, как проволочка. Но ради этого колечка он ведь целую неделю по ночам грузовики разгружал... с его-то образованием, с его изящными пальцами!

Я с трудом проглотила последнюю ложку супа, и бабуш-

ка сразу выставила на стол второе. Мама разливалась соловьем. Я знала, что она может продолжать, и продолжать, и продолжать.

– Кушай, кушай, – приговаривала бабушка. – Вон как щечки запали.

– Да как же запали, – отошла от темы мама. – С той недели кило набрала, если не два. Вон как на ней костюм сидит, чуть не лопается.

– Да я сама сейчас лопну. Больше не могу!

– А пироги как же? – забеспокоилась бабушка. – Мне что их, выбрасывать теперь?

– Вот уж конечно, не может она, – продолжала мама. – Всегда лопала и лопала. В детстве вот такая ходила пухлая.

Эту войну мне никогда не удавалось выиграть. Если я сопротивлялась сильнее, они тоже увеличивали нажим. Кроме того, их было двое. Когда мне было двадцать четыре, и я съезжала с этой квартиры, я весила восемьдесят пять килограмм. И все, о чем я могла думать, так только: «Катиться! Катиться прочь отсюда!»

Взяв пирог с картошкой, я принялась жевать его как возможно медленнее. Торжествующая бабушка выставила на стол блины. Я почувствовала острую ненависть к еде и украдкой расстегнула верхнюю пуговицу на брюках.

Мама вернулась к своему восторженному монологу. Жуя и сонно моргая, я почти ее не слушала, зная, к чему она придет в итоге.

– Ты должна найти себе мужчину. Если уж не красивого, то хотя бы достойного мужчину.

– Где их найдешь, достойных, – буркнула я, давясь пирогом с малиновым вареньем.

– Конечно, от тебя все спрячутся, если не будешь следить за собой. Ты не смотри, что я сейчас набрала. Когда твой папа меня увидел, я была как тростиночка тоненькая. Впрочем, мне и было-то двадцать лет.

А мне вот тридцать, мама. Так чего париться, поезд уехал! Мама протерла глаза, в этой раз действительно слегка увлажнившись.

– Достаточно воспоминаний. Они все еще будят тоску.

Я посмотрела на свои наручные часы. Половина девятого. Действительно, достаточно.

– Печеньица? – спросила бабушка. – Свеженькое, со сгущенным молоком, такая вкуснятина.

– Думаю, мне пора. Дома есть кое-какие дела.

– Придумала ты с этой квартирой. Деньги за нее платишь.

– Да, но хозяйка берет с меня немного, а здесь только две маленькие комнаты.

– Ты могла бы спать в комнате с бабушкой.

«И каждую ночь она будет стоять надо мной с куском колбасы, чтобы впихнуть его мне в глотку, едва я приоткрою рот во сне», – со злостью подумала я.

– Да, но мне бы не хотелось мешать бабушке...

– Ей это только в радость. Ты же знаешь, как она тебя лю-

бит.

– Да, но отсюда мне неудобно добираться до работы... Ты же знаешь эти трамваи. Чуть где авария на путях, и движение встало на полдня.

– Нужна тебе эта работа, никаких перспектив.

– Да, но как раз сейчас у нас реорганизация, посмотрю, что будет. Все, бабуля, мамуля, мне совсем пора, – с трудом подняв свое перекормленное тело, я бочком протиснулась мимо бабушки в коридор.

– Есть один мужчина... может, я могла бы тебя с ним познакомить, – сказала мама как бы между прочим, когда я уже стояла у открытой двери.

– Что за мужчина?

– Знаешь Раису Константиновну? Вот ее сын. Зовут тоже Константином. 42 года, своя торговая фирма. Высокий, брюнет, красавец.

– Хм. А не староват для меня?

– Да ты сама не молодуха. Хотя... ты права, он не для тебя. Девушку ищет представительную, ухоженную, а ты у меня простушка, не умеешь себя вести в приличных местах.

– Неправда, – возмутилась я. – Я хочу с ним познакомиться.

– Ладно, я дам ему твой телефон, – мама слегка скривила губы: «Если ты хочешь...» – Он тебе позвонит.

– Только не забудь.

– Не забуду.

– Может, возьмешь вареньица пару баночек? – с надеждой спросила бабушка.

– В следующий раз, – клятвенно пообещала я и, пыхтя, заспешила вниз по лестнице. Все, повинность выполнена, можно расслабиться до следующего понедельника. Я бы запрыгала от радости, но пироги и прочее нещадно тянули меня вниз.

Вечером мне позвонил тот самый Константин. Разговор получился по-деловому кратким, впрочем, голос собеседника мне понравился – низкий, глубокий, уверенный. Мы договорились на воскресенье, в восемь – поздновато для меня, но Константину так было удобно.

С утра я чувствовала боль в желудке, после вчерашних злоупотреблений, и была только рада выпить безвкусный «Супершейп». Едва добравшись до работы, я сразу бросилась изображать из себя Новую женщину: уверенную в себе, сосредоточенную, не позволяющую себе лениться, трусить и отступать от поставленных целей.

Ирину я увидела всего однажды, причем она шла по коридору с Роландом, иногда касаясь его руки и слушая его с преувеличенным вниманием. Какая же она красивая, стройная, высокая... Я расстроилась, но потом напредила себе, что в новой жизни нет места для уныния, и поплелась в кухню забодяжить стаканчик «Супершейпа». Диана поехидничала надо мной, но легкость в моем теле указывала, что я на верном пути. К счастью, кухня была тем местом, где Ирина

точно не появится – она обедала в кафе, на первом этаже.

Вечером, слоняясь по квартире с бурчащим животом и болящим после многочисленных телефонных разговоров ухом, я не знала, куда себя деть. Без сомнений, истязая себя таким образом, к воскресенью я буду выглядеть замечательно, но до этого дня еще надо дожить...

Тем не менее среда пережилась относительно сносно; четверг – сложно, но можно; к пятнице на меня напала такая слабость, что я едва добралась до работы.

– Ты чего такая кислая? – поинтересовалась Диана.

Но я только мотнула головой, вяло копаясь в резюме и даже не думая переключиться на целлюлит знаменитостей.

К субботе я окончательно пожухла, как завалившаяся в супермаркете морковка, но, как выяснилось, когда я отлепила себя от кровати и доплелась до ванной, это была не самая большая из моих проблем: на щеке проступило красное пятно, к вечеру расцветшее в настоящий прыщ. Рехнуться можно! Прыщ в тридцать лет!

Я мазала прыщ антисептиками, мазями и кремами «мгновенный эффект», и они пошли ему на пользу, в смысле, он стал еще крупнее и ярче. Унылая и голодная, я потратила день на просмотр «Секса в большом городе», но все, о чем я могла думать, так только о том, что ни у одной из героинь нет прыщей.

В воскресенье я вскочила ни свет ни заря и сразу начала готовиться к свиданию. Перебрав несколько вариантов, я

остановилась на красном платье – оно было старенькое, простого покроя, но выглядело элегантно и хорошо скрадывало животик. Красной обуви у меня не было, но я решила, что черные ботильоны вполне подойдут, потому что сумка у меня черная. При макияже, с уложенными волосами, я выглядела бы неплохо, но гнусный прыщ, напоминающий раздувшуюся от крови пиявку, все рушил. Я замазала его тремя слоями тонального крема, и он стал менее заметен, но не скрылся совсем. Больше я ничего не могла сделать и, полностью собранная за пять часов до свидания, села на диван и стала ждать.

В половине восьмого, трясущаяся от волнения, я была у ресторана «Октябрь». В 20.15, на шикарной красной машине, прибыл Константин. Он оказался внушительным крупным мужчиной с кустистыми подвижными бровями и громадным загнутым грузинским носом, который сначала вызвал во мне желание развернуться и бежать, но потом я вспомнила, что у героя «Ну разве она не милашка?» тоже был тот еще шнобель, и немного успокоилась.

В ресторане мы расположились за заранее заказанным столиком. Я смущенно улыбнулась, рассматривая роскошную обстановку. Как долго я не была на свидании? Год, не меньше. А как давно не ходила в хороший ресторан («Макдоналдс» не в счет)? Еще дольше.

Константин пошевелил бровями и деловито спросил:
– Что есть будем?

Я раскрыла меню, и после недельной голодовки аппетитные картинки так и запрыгали перед глазами. Рот мгновенно наполнился слюной.

– Давайте по вашему выбору.

Кивнув, он, не глядя в меню, привычно сделал заказ, после чего наконец обратил взгляд на меня. Чувствуя себя неуютно, я немного повернула лицо, пытаюсь спрятать прыщ. Не помогло.

– На щеке у тебя чего?

– Да так... прыщик выскочил.

– Лет-то тебе сколько?

– Тридцать.

– Не девочка. Чего все прыщавишься?

Пока я раздумывала, как мне на это ответить, он уже отвлекся от прыща:

– Значит так, я занимаюсь бизнесом, продаю товары народного потребления. Телемагазин, Интернет-магазин, и прочее. Дел много, времени мало, поэтому давай обойдемся без всяких сюсю-мусю и прочей ерунды. Я Константин Георгиевич Гиоргадзе, 42 года. Пью редко, курю много. Инсультов не было, здоров как бык, только грибок на левой стопе, но я его выведу. Зарабатываю хорошо, живу в центре, неподалеку от Ладьи, квартира три комнаты, 110 квадратных метров. Машина BMW. Есть собака породы дог, гулять, если что, с ним будешь ты. Не судим, долгов нет, в ближайших планах намерен жениться, детей надо двое. Люблю харчо и

картошку с салом. Теперь ты о себе.

Но у меня не было слов. Уж не знаю, что меня так подкосило: его прямолинейность или грибок на его стопе.

– Ну... меня зовут София Острова... – начала я и, к счастью, меня прервал подошедший официант.

Официант разложил приборы, салфетки. Поставил перед нами тарелки с сильно прожаренным, залитым жирным соусом мясом. Запах шел восхитительный. В одной такой порции калорий было больше, чем я потребила за неделю (если исключить тот сокрушительный ужин в понедельник).

Константин сразу приступил к еде, и я решила не отставать. С набитым ртом он махнул мне рукой: «Ты продолжай, продолжай». Беззвучно вздохнув, я проглотила кусок мяса и продолжила:

– Я работаю в компании «Синерджи». Менеджер по подбору персонала, – произнести слово «ассистентка» у меня язык не повернулся.

– Менеджер? Бумажки, что ли, весь день перекладываешь?

Мне показалось, или он разговаривает со мной пренебрежительно?

– Я общаюсь с людьми. Это непростая работа, – возразила я и тут обнаружила, что меня подташнивает. – Извините, я отойду.

На пути к туалету тошнота усилилась. Видимо, после недели на «Супершейпе» мой потрясенный желудок отказы-

вался принимать пищу, да еще такую тяжелую и жирную. Возле унитаза я аккуратно опустилась на колени, ожидая, что меня вот-вот вырвет. Этого не случилось, но тошнота как будто бы улеглась. Я побрела обратно в зал.

– Полчаса пропадала, – проворчал Константин.

Я вдруг отчетливо поняла, что он меня бесит. С такими «конкретными» манерами он хорошо бы смотрелся на разборке 90-х годов, но не на свидании.

– Не полчаса, десять минут. Поправляла макияж.

– Вам бы только все физиономии свои красить, – произнес Константин с плохо скрываемым презрением. – А зеленая чего? Темнишь ты... и не замужем, в твои годы. Ты учти, мне не надо увечных, которые пацана родить не в состоянии, так что колись – абортыв делала, венеру ловила?

Сраженная такой грубостью, я наклонилась к тарелке и мой организм выдал самую соответствующую текущей ситуации реакцию: меня аккуратно вывернуло прямо на остатки еды.

Одним взглядом Константин ясно дал мне понять, что я должна делать.

– Я заплачу за себя сама. Сколько это стоило?

Оставив на столе тысячную купюру (буду думать, что это откупное), я покинула здание. На улице было темно, хоть глаз выколи. Стоя на трамвайной остановке, я дрожала от холода, а трамвай все не шел. Полдесятого движение и вовсе остановится на ночь, так есть ли смысл ждать? Проклиная

свою неудачливость, я заковыляла вдоль рельсов. Что за город! Когда они решат проблемы с транспортом? Я была совершенно разбита. Сложно сказать, что задело меня больше: мое унижение на свидании или же то, что моя мама считала, что я недостойна такого вот человека.

Ни прохромала я и ста метров, размышляя, что вещи уже не станут хуже, как увидела... вот радость-то, моего соседа! Он был одет в своем стиле: полосатый свитер вырвиглазной расцветки и шорты. Голые коленки вызывающе сверкали в промозглом полумраке. И это в начале апреля! Я пригнула голову и ускорила шаг, но он уже заметил меня.

– Why so serious? ¹

– Я не понимаю по-английски, – буркнула я.

– Вид у тебя угрюмый, – он развернулся и пошел рядом со мной. – Слушай, я не знаю, что у тебя случилось, но что-то мне подсказывает, что тебе нужно просто посмеяться и забыть.

«Вот и смейся, над своими проблемами».

– Посмотрела бы я, как бы ты смеялся, вышагивая через весь город по разбитому асфальту на восьмисантиметровых каблуках, – возмутилась я.

– Вызвать тебе такси?

– Не надо, – сказала я, но он уже достал мобильник и набирал номер.

¹ «Ты чего такой серьезный?» – фраза из кинофильма «Темный рыцарь», которую злодей Джокер говорит своим жертвам перед тем, как их убить.

Такси мы дожидались в напряженном молчании. В машине ситуация не наладилась.

– Слушай, – протянул Эрик, когда мы подъехали к дому, – я, оказывается, не при деньгах. Ты заплатишь?

Рассчитавшись, я сердито взбежала по лестнице на свой пятый этаж и, ворвавшись в квартиру, громко хлопнула дверью. Итого: один прыщ, полторы тысячи трат (при том, что до зарплаты неделя, а в кошельке осталась пара сотен), два скверных мужика и одно настроение, которое хуже некуда. Кажется, в блокнот достижений писать пока нечего.

Схватив «Невинную грешницу» Конни Мейсон (приятно почитать про еще большую дуру и неудачницу, чем я), я залегла в ванной, подавляя острое желание утопиться. В час ночи я дошла до круглосуточного магазина, купила шоколадку, килограмм бананов и готовую запеканку, спустив все оставшиеся деньги.

Утром стрелка весов показала 64 килограмма, и я выбросила «Супершейп» в мусорное ведро. Уходя на работу и запирая дверь, я увидела на коврикe маленький конвертик – возможно, он уже был здесь, когда я выходила ночью, но тогда я его не заметила. Внутри были купюры и записка от Эрика: «Я стучался, чтобы отдать деньги за такси, но ты не открыла. Надеюсь, сегодня у тебя все наладится».

Глава 3: Вечер с Тайрой Бэнкс

Вечером первого мая я заболела. Это было внезапно и обидно, тем более что день был чудесный. Греясь под ярким солнцем, любуясь свежей зеленой листвой, я несколько часов гуляла по принаряженному к празднику городу. Проблемы забывались, когда все вокруг казалось таким прекрасным. И даже обертки, окурки, пластиковые бутылки, прочий мусор, рассыпанный по тротуару празднующимися по парку гражданами, бросался в глаза меньше обычного. Возле озера я увидела одиноко стоящую маленькую девочку. Я подошла и положила руку ей на плечо.

– Эй, ты не потерялась, милая?

Девочка посмотрела на меня своими небесно-голубыми глазами и вдруг оглушительно чихнула. Брызги полетели прямо мне в лицо. Не успела я утереться, как выскочившая из ниоткуда сердитая, выдыхающая сигаретный дым мамаша поволокла девочку прочь.

В течение часа мне резко поплохело, и я поплелась домой, гадая, что еще успеет произойти со мной по пути.

В понедельник, едва сползая с кровати, я вызвала на дом врача и позвонила на работу чтобы предупредить, что не выйду. Трубку взяла Диана. Голос ее звучал раздраженно, порой заглушаемый звуком передвигаемой мебели – Ирина таки осуществила свое намерение и переехала к нам побли-

же, чтобы заняться отделом всерьез. В глубине души я порадовалась, что проведу эту неделю дома и смогу отдохнуть от мягких замечаний новой начальницы, каждое из которых звучало как скрытая придирка.

После ухода врача я забралась под одеяло, только и способная, что втыкать в монитор компьютера, и то при условии, что он демонстрирует что-то не более интеллектуальное, чем реклама зубной пасты. К вечеру я одолела первый сезон «Топ-модели по-американски», шоу, в котором десять удручающе худых девушек состязались в тщеславии, стервозности и фотогеничности. Мне очень понравилась ведущая, супермодель Тайра Бэнкс. Многие из тех вещей, которые она говорила участницам, пригодились бы любому человеку, пытающемуся достигнуть успеха.

К ночи мой запас носовых платков истощился, и я поставила на тумбочку возле кровати рулон туалетной бумаги, которую благополучно всю обсморкала за долгие, беспокойные часы, когда в темноте я ворочалась с боку на бок, чувствуя, как в голове перекачивается боль. Эх, а от Ирины я бы избавилась с шести вечера... ладно, хотя бы к маме не пришлось ехать.

В течение вторника, среды и четверга я посмотрела еще четыре сезона, и к пятнице, после многочасового созерцания худышек, у меня наличествовали все признаки посттравматического стресса, включая слезы, дрожь и судороги. Все это вылилось в то, что я взяла швабру и начала колотить ею по

стене, за которой всю неделю звучала анимешная музыка, доводящая меня до белого каления. Сосед приглушил звук, но не выключил. Надо быть совсем чокнутым, чтобы слушать такую ерунду. Из его квартиры вообще было много шума (пока там жила Антонина Павловна, я и не подозревала, что здесь такая слышимость) – пальба и вопли из компьютерных игрушек, детский топот, разговоры, заливистый женский смех. Откуда там вдруг взялись все эти люди?

Усмирив соседа, я включила фильм «Сумерки» (ну и что, я все еще не в той форме, чтобы смотреть что-то требующее умственных усилий) и, помня о тонкости стен, из стыдливости приглушила звук. Если мой сосед не стесняется своих вкусов, то я более самокритична. Не то чтобы я осталась от фильма в восторге, и если и рыдала, то только по той причине, что мне вообще было грустно, хотя Белла вызвала у меня эмоциональный отклик. Я почувствовала с ней родство душ, поскольку и сама была человеком, который, падая с лестницы, вылетает в окно.

Открыв браузер, чтобы скачать «Новолуние», я обнаружила в «контакте» сообщение от некой пухлощекой особы, в которой я не сразу признала бывшую одноклассницу Марину. «Женька дачу купил, – писала она. – И решил забабахать встречу. Там будут наши, кто придет, и, может, кто-то из «А». Встречаемся седьмого мая и на всю ночь. От площади Фрунзе 28-я маршрутка, до конечной. В семь Женька будет ждать на остановке. Ну, если что, я тебе сообщила».

Хм. Встреча одноклассников? Об этом нужно серьезно подумать. О Женьке я припомнила немного, хотя некоторые другие, которых я как раз предпочла бы забыть, занозами засели в моей памяти. Не то чтобы моя школьная жизнь была совсем беспросветной. Просто на выпускной, который я провела в своей комнате, завернувшись в одеяло и обжираясь мороженым, мне казалось, что я вышла из тюрьмы или вроде того. Впрочем, сейчас это взрослые люди, и вряд ли кто-то станет играть в футбол моим рюкзаком или плевать в меня жеваной бумагой из ручек. С другой стороны, я все еще была больна – нос дышал тяжело, голова побаливала, и, дойдя до туалета и обратно, я успевала немного притомиться. Да и некрасиво – на работу не пошла, а на вечеринку – пожалуйста. Но кроме всех этих аргументов против у меня был один довод за: я чувствовала себя одиноко... Сказать по правде, я почти околевала в своей пустой квартире, только и общаясь что с компьютером. Телефон все время лежал на кровати, на случай, если кто-то позвонит, и иногда я даже слышала звонок, но потом выяснялось, что мне померещилось. Так и рехнуться недолго.

В попытке отвлечься от терзаний, я решила перечитать Шарлотту. Все-таки Джейн Эйр была настоящая феминистка. Отстаивая равноправие полов, она оставалась тверда и остра, как лезвие меча. Да и сама Шарлотта Бронте была примечательной женщиной. Она и ее сестры, Энн и Эмили, тоже писательницы, жили в маленьком пасторском домике воз-

ле самого кладбища. Из троих сестер выйти замуж удалось только Шарлотте – не по любви и ненадолго, потому что скоро ее забрала смерть. Она оставила этот мир, будучи на пятом месяце беременности.

Отправив сообщение, что я не пойду, я легла спать, и мне приснилось, что я одна из сестер Бронте, Эмили, в период написания «Грозового перевала», и меня одолевают дикие животные страсти, но я уже читала свою биографию и точно знаю, что мне ничего не светит. Сон был тяжелый и мрачный, и с утра я написала Марине, что передумала и буду.

Собрав некоторые необходимые мелочи, я надела длинный свитер и джинсы, учтя похолодание и загородные ветра, и окинула свое отражение таким суровым взглядом, каким не смотрели даже судьи в «Топ-модели». Ну и простецкий же вид у меня, да еще свитер добавляет пару килограмм. Все посмотрят на меня и подумают: «Так мы и знали, что ты ничего не добьешься». Человек, вон, дачу купил! А мне и домик для Барби не по карману.

Я зарылась в шкафу в поисках чего-то, что придаст мне вид, способный ввести окружающих в заблуждение касательно моих жизненных успехов. Платье, в котором я ходила на свидание с Константином, вполне бы подошло, но после моего эпичного провала мне казалось, что над ним повисло проклятие.

В итоге мой выбор пал на розовое вязаное, которое я купила давно и не стала носить, решив, что этот цвет мне

не идет. Как оказалось, сейчас, когда болезнь придала мне аристократическую бледность, платье смотрелось очень даже ничего, хотя и было немного странноватое – ажурное, со множеством завязок. Я надела под него сорочку телесного цвета и решила, что пойдет.

– Только не опозорься, – сказала я своему отражению. – Пожалуйста, давай как-нибудь в другой раз!

Сделав легкий, во французской традиции, макияж и доверху напичкав себя таблетками, я вышла из дома, надеясь, что после гулянки моя простуда не перейдет в воспаление легких.

Пока я добиралась до площади Фрунзе, то ли от таблеток, то ли от свежего воздуха, мне стало значительно лучше. В маршрутке я лыбились не переставая, воображая себе, что впереди только хорошее. Но впереди оказалась пробка, в которой мы простояли битых сорок минут. Когда я добралась до места, на остановке меня ждала только та самая Марина из «контакта». На ней были дутая розовая куртка, джинсы и резиновые сапоги.

– Опаздываешь, – буркнула она. – Пошли. Мне объяснили, как добраться.

Неприветливая и хмурая, как всегда. Как будто и не было этих тринадцати лет.

Мы шли минут двадцать. Воздух пах хвоей и листьями. Наверное, это чудесно, жить на природе, вдали от загазованного, заваленного мусором города. Видеть за окном зеленые

сосны...

– Нам сюда, – Марина отворила тяжелые металлические ворота, и у меня отвалилась челюсть.

Это дача?! Настоящий особняк в три этажа! Да я такие только в кино видела!

Навстречу нам по мощеной красной плиткой дорожке шел Женька, которого я сразу узнала, хотя он сильно изменился: потерял волосы, приобрел брюшко. В его ухе сверкала золотая сережка, да и улыбнулся он как заправский пират.

– Сонька! – вскричал он, притискивая меня к себе так крепко, будто друзей лучше нас во всем мире не было. – Ну ты вообще! А была вот такая корова!

А он мне запомнился тихим, вежливым, незаметным мальчиком... Несмотря на сомнительность комплимента, я улыбнулась.

– Тебе, я смотрю, тоже есть чем похвастаться.

– Да живем помаленьку, – на пути к дому он болтал без умолку. – Производство у нас, совместно с французами. Медтехника. Че мы с тобой столько не виделись? У тебя, небось, то мужики, то Греция-Италия, то на работе завал?

– Да как-то то одно, то другое.

То герпес, то сопли, то ноготь сломался. Я споткнулась и подумала, что мне надо следить за походкой, а то плетусь, как побитая собака. Господи, как людям удается столько зарабатывать? Что-то делают, чего-то добиваются, я только сижу в своем офисе, старею и жирею, пока жизнь проходит ми-

мо.

Мы вошли в дом, в комнату, заставленную плетеными стульями и цветочными горшками, и все присутствующие уставились на меня так, как будто я побрилась налысо или еще что поинтереснее.

– П-привет, – я робко растянула губы, пытаюсь придать себе радостный вид.

– Соня? – неуверенно произнес кто-то. – Острова?

– Да, это я, – я все еще не понимала, почему на меня так смотрят.

– Килограмм двадцать, не меньше, да? – предположил Женя.

– Если вспомнить мой школьный вес, разница пятнадцать, максимум, – возразила я, и тут до меня дошло. Я не любила свои фотографии, нигде их не выкладывала, а на аватаре в «контакте» у меня стоял кот. Народ ожидал увидеть тетку килограмм под девяносто, и тут пришла я, вся такая стройная, на контрасте с их ожиданиями. Почувствовав себя привлекательной, я горделиво расправила плечи и улыбнулась уже искренне. Не такая уж я и неудачница! Если, конечно, не считать того факта, что далеко не все в школьном возрасте походили на комок жира...

– Садись, – мне придвинули стул, и, обернувшись, я увидела Федю.

Он ни заматерел, ни обрюзг, просто повзрослел, оставшись тем же милым парнем с песочного цвета волосами (да-

же прическа та же!). В школе он не отличался интеллектуальными качествами или спортивными талантами, но зато был душой каждой вечеринки, и его все любили. Я, как человек, которого никуда не звали, с ним особо не общалась, но сейчас он улыбался мне широко и искренне, и я ответила ему улыбкой.

Сняв куртку и усевшись, я принялась рассматривать окружающих, стараясь делать это не слишком откровенно, даже если остальные занимались тем же самым. Всего собралось человек пятнадцать. Большинство изменились очень сильно, только нашу отличницу Ольгу Кораблеву как законсервировали: непроницаемые холодные глаза за бликующими стеклами очков, темные гладкие волосы до плеч и вздернутый нос над неизменно сжатыми губами. На коленях у нее была сумка, похожая на дипломат 60-х годов, и она держала ее так, как будто поставила перед нами стену. Яночка, наша умница, красавица, очень постарела, и ее некогда золотистые волосы теперь казались бесцветными. Она вяло отпивала вино из стакана, хотя кроме нее пока никто не пил, и мне стало как-то не по себе. Максим, который в юности, с его бесцветными ресницами и красным аллергичным носом, напоминал крысу-альбиноса, сейчас выглядел загоревшим и подтянутым, молодец (чуть позже он сообщил, что работает тренером по фитнесу). Исмаил неохотно оторвал взгляд от своего планшета и кивнул мне. Я порадовалась, что во взрослой жизни он хоть как-то социализировался – прежде он бы да-

же и не заметил, что я пришла, только смотрел бы не в планшет, а в книгу. Леночка Озерова, хоть и набрала килограммов семь, была все той же смешливой очаровательной блондинкой, и ее полуметровые ресницы походили на крылья бабочек. Она так и вилась вокруг пришедшего с ней вальжжного молодого человека в джинсовом костюме, и складывалось впечатление, что нам всем следовало бы выйти, оставив этих двоих наедине, прежде чем они потеряют последнюю сдержанность. Еще несколько лиц казались смутно знакомыми, а бородатого здоровяка я вообще не смогла вспомнить... Ваньки Венкина, к моей великой радости, не было. От этого человека ничего хорошего не жди.

Только мне удалось расслабиться и почувствовать себя относительно уютно в своем плетеном кресле с подушками, как свет вдруг померк для меня, оставшись где-то за грудой обтянутой блестящей сиреневой тканью плоти. В мои ноздри ударил сильный запах духов, и, уже понимая, что это начало конца, я подняла взгляд и увидела *ее*. Ксению Лопыреву. Мои страх и ненависть в школе № 119.

Наше знакомство состоялось в девятом классе, когда она перевелась к нам из другой школы. Она была такая симпатичная девушка, с прекрасными темными кудрявыми волосами, да еще и в туфлях на высоченных шпильках, которые меня довели бы только до травмопункта.

– Привет, – сказала я. – У тебя так красиво накрашены глаза.

И тогда она посмотрела на меня как на самую отвратительную, самую вонючую кучу навоза в округе.

Тот ее взгляд сошел бы за дружелюбный, если сравнить его с тем, которым она наградила меня сейчас. Он сочился чистой ненавистью. Так моя мать смотрит на подростков, обжимающихся в общественном транспорте. Казалось, запали, и эта злоба будет гореть синим пламенем, как абсент.

– Э-э-э... Ксения? Добрый вечер, – пропищала я.

Не удостоив меня ответом, она отошла и села, раздраженно покачивая ногой, а мои смятые легкие получили возможность расправиться. В комнате повисла странная, напряженная тишина, в которой был отчетливо слышен звон моих нервов. «Когда она успела так подурнеть?» – с ужасом спрашивала я себя. Кудрявые волосы теперь походили на щетку, опухшее, располневшее лицо потеряло вместе с четкостью линий всю свою миловидность, и яркая помада не могла отвлечь от глубоких вертикальных морщин по уголкам губ. Сталии Ксении свисали валики жира, да и вся ее фигура стала массивной, приобрела почти квадратную форму.

Веселый тенорок Женьки вывел нас из ступора.

– Если все в сборе, чего же мы сидим? У меня только водки два ящика и жратвы человек на тридцать. Кто мне поможет на кухне?

– Я! – даже если бы он звал помочь закопать труп, я бы составила ему компанию, лишь бы не сидеть здесь, нервно ежась.

– Ну у Ксеньки и жопень, – шепнул мне Женька на кухне. – Я слышал, она в разводе, да еще и с работы недавно вышибли, а все строит из себя невесть что, как будто получится обмануть людей.

Может, Женька и был прав, но я все же подумала, что ему бы поменьше следить за чужим весом и подумать о собственном.

Заготовился он, действительно, весьма основательно, и мне стало стыдно за себя и нас всех, пришедших на готовое. Мы перетаскали в комнату буженину, жаркое, жареную курятину, запеченный картофель, салаты, фрукты в фарфоровых посудинах, изображающих лебедей. Еда пахла сногшибательно, что я уловила даже с моим плохо функционирующим носом. Но больше меня интересовал алкоголь. Я надеялась, он поможет мне снять напряжение.

Мы расселись (я устроилась как можно дальше от Ксении). Проигнорировав винные бокалы, все сразу схватились за рюмки (видимо, не одна я чувствовала себя не в своей тарелке). Заплескала прозрачная жидкость, внушая мне надежду, что вечер в итоге может оказаться не таким уж плохим.

– Я не пью, я не пью, – засуетился Федя.

– Одну каплю, за встречу.

– Нет-нет-нет!

Зазвякали рюмки. Кто-то приложился от души, и на скатерть брызнуло стекло. После первой все заулыбались, после

второй, последовавшей незамедлительно, порозовели и внезапно сделались общительными. Все, кроме меня. Поперхнувшись, я стала ярко-багровой, а затем вдруг стол резко поднялся, и я не сразу поняла, что это моя голова качнулась вперед. Я услышала, как Леночка звенящим голоском рассказывает про салон, где она работает и где познакомилась со своим Антошей:

– Он был моим лучшим клиентом и стал моим лучшим жуем... В смысле, после этих... козлов.

Она продолжала и продолжала, сопровождая каждое слово активной жестикуляцией. Особенно старалась ее правая рука, на безымянном пальце которой поблескивало колечко с камушком. Слова становились все менее разборчивыми, и вдруг все слилось в одну звенящую трель. Вокруг моей головы возник ореол. Он был мягкий и пушистый, как кроличья шапка.

– Сонь, а ты как? – меня подпихнули в бок.

– Я? Что? – я с трудом подняла голову. Опять эти пристальные взгляды.

– Работаешь кем?

Сказать правду или соврать? Врать не хорошо, но... Мысли почему-то вязли, как мухи в меду. И как я умудрилась так ужраться с двух рюмок?

– Ириной, – ляпнула я.

– Что?

– То есть, я хотела сказать, с Ириной, – я нервно сцепи-

ла под столом пальцы. – Это моя помощница. Я выбрала помощницей блондинку модельной внешности, потому что у меня нет комплексов. Это очень важно чтобы все знали, что у меня нет комплексов.

Кажется, это было не очень хорошо. Зачем вообще так много слов?

– Ты одна, замужем или с кем-то встречаешься?

С такими вопросами уже не до честности.

– Конечно, встречаюсь, – я попыталась сфокусировать взгляд, решив, что это придаст мне искренний вид. Над столом полз туман. Клубился, как смог. – Я слишком молода для замужества.

– И как его зовут?

Вот уж не думала, что их любопытство зайдет так далеко. «Роланд. Джейсон. Ранульф. Даллас. Натаниэль. Да что такое, хоть бы одно нормальное имя припомнить!»

– Эрик.

– Он что, иностранец?

– Да, – я перевела взгляд на блюдо с фруктами.

– Моя жена тоже иностранка, французенка, – решил поделиться Женька. – Вот она.

Он достал из нагрудного кармана фотографию, на которой красовалась светловолосая женщина, похожая на Хайди Клум.

– Красивая, – похвалили одноклассники, но не успела я облегченно вздохнуть, допрос продолжился: – Откуда твой

Эрик?

– Из Кардинии, – брякнула я.

– Это еще где?

Там же, где Кистран, Средиземье и Страна Чудес. Еще никогда Штирлиц не был так близок к провалу. Я небрежно дернула плечом.

– Все знают, где находится Кардиния.

– А где он работает?

Вот привязались... «Он пират. Он лэрд шотландского замка. Он шериф. Он работает герцогом, то есть он герцог и вообще не работает. Аа-ха-ха, я читаю слишком много любовных романов!»

– Он наемник, – этот вариант казался мне приемлемым до той секунды, как я произнесла его вслух.

– То есть?

– Он... э-э... адвокат, но не просто адвокат. В смысле, он идет только если хорошо попросят. Всякие крутые шишки. Березовский там, или Абрамович, – обе фамилии были постоянно на слуху, но я едва знала, кто это.

– Такой способ заработка не назвать высокоморальным, – заметила Кораблева.

– Вопрос морали, связанный с профессиональной деятельностью, достаточно сложен, – вступилась я, обиженная за своего несуществующего парня. – Крестоносцы убивали людей. Ниндзя убивали людей. Но... – тут я поняла, что понятия не имею, что хочу сказать. И можно ли считать ниндзя

профессией? – Но, что бы ни делал адвокат, как минимум, у него есть адвокат. То есть он сам адвокат. То есть он сможет защищать себя в суде, даже если у него не будет адвоката. То есть... да-а, – мне захотелось сползти под стол и лежать там, пока все не напьются до полного отшиба памяти, после чего можно будет притвориться, что я ничего и не говорила.

Отказавшись от следующей рюмки, я налегла на салат в надежде, что мое сознание прояснится. Мне приходилось прикладывать массу усилий, чтобы меня не клонило из стороны в сторону. В то же время меня мучило опасение, что на самом деле меня не шатает, но я шатаюсь, когда пытаюсь изобразить, что сижу смирно. Подперев тяжелую голову ладонями, я терзалась самыми нелепыми теориями, начиная с того, что Ксения меня злодейски отравила, и заканчивая тем, что в моей голове лопнула аневризма и сейчас кровь затапливает мой мозг, как вода трюмы Титаника. Может, проблема в водке? Но ее пили все, кроме Феде, и они в норме (если считать алкогольную интоксикацию нормой). Это даже страшно...

Женя начал рассказывать давнюю историю, как они с Федей глушили за школой бытовой растворитель, а потом их нашла директор – в отрубе, залитых блевотиной. Федя постоянно перебивал его: «Но теперь я не пью! Ни капли! Даже одколоном не пользуюсь!» Ксения громко, неестественно смеялась. «А мой Антоша никогда не пьет», – вставила Леночка. «Да он ВЕРБЛЮД!» – грохнул Женя, и все поче-

му-то заржали.

Мне здесь не место. Зачем я только приехала? Я встала из-за стола. Меня покачивало, но я попадала в такт музыке, как будто пританцовывала. Женя успел сменить тему: «А еще у меня есть еж! Вот такой! Прямо так и живет! Ходит везде!» Внезапно передо мной возникла Ксения, глаза которой сияли, как у призрака, охваченного жадной мести. В одной руке она держала тарелку с мясом, а в другой – пластиковую бутылку с кетчупом. Ксения направила бутылку на меня и надавила.

– Прости, я случайно, – ядовитым голосом произнесла она за секунду до того, как густая красная струя ударила мне в грудь. Кетчуп потек вниз, и я накрыла пятно ладонями, как пулевую рану.

– Женя, – всхлипнула я, – где здесь ванная?

– В конце коридора, – совсем уже пьяный, с красным, добрым лицом, Женя приобрел сходство с безбородым Дедом Морозом. – Или еще где-нибудь. Их тут много. Этот дом тебе не хухры-мухры.

За дверью в конце коридора кто-то шумно блевал. По брошенной на пол сумке я узнала Яну.

– Яна? Ты в порядке? – я постучалась, но она была очень занята и не ответила.

Юркнув за одну из дверей, я оказалась в спальне, но здесь имелась смежная ванная. Стянув с себя платье, я начала закрывать пятно. Сверху на платье падали мои горькие слезы.

Опять все пошло не так! Что бы я ни делала, все оборачивается чередой неприятностей! Запрись в комнате и не выходи вообще, и то либо потолок обвалится, либо пол рухнет!

– Что, уже расклеилась?

От неожиданности я высоко подпрыгнула. Обернувшись, я увидела златокожую Тайру Бэнкс, изящно расположившуюся на краю ванны. На ней было красивое зеленое платье, фактурой напоминающее чешую и прилегающее к телу столь же плотно. Тайра хмурила бровки, накручивая на палец прядь волос.

– Ты ничего не добьешься, если будешь сдаваться и бежать после первой же неудачи.

– Она сделала это нарочно! – воскликнула я.

– Наоми Кемпбелл мне еще и не такие козни устраивала.

Она цветная, я цветная, мы просто не могли поделить титул Черной Королевы. Подобные нападки означают, что человек видит в тебе конкурента. Разве это не причина начать уважать себя немного больше? – последние слова Тайра произнесла, уже растворяясь в воздухе.

Тайре удалось меня подбодрить, хотя сам факт того, что она вот так внезапно материализовалась из ниоткуда, немного настораживал. В комнате я повесила платье на батарею, чтобы оно хоть немного подсохло, пока я занимаюсь сорочкой, на которой, к счастью, пятен было немного.

Когда я вернулась в комнату, платье на батарее отсутствовало. Уловив боковым зрением какое-то движение, я повер-

нула голову и увидела, как оно вползает под кровать. Само. Наверное, я бы убежала с дикими воплями, но меня парализовал страх, и я застыла, обливаясь холодным потом и чувствуя, как на голове шевелятся волосы. Не хватало мне обычных проблем, теперь еще и сверхъестественные! «Да быть такого не может», – попыталась я утешить себя. Компания собралась самая дурацкая, может, кто-то решил подшутить. Но ножки кровати были такие короткие, что человек бы туда не пролез при всем своем желании, даже ребенок. То есть мы возвращались к тому, что это не человек. Я села на пол и крепко задумалась.

– У моделей постоянно возникают экстремальные ситуации, – послышался с кровати голос Тайры, а затем показалось и ее лицо. Она подпирала щеку ладонью, рассыпав по подушке сверкающую рыжую гриву. – Во время показа все шумят, суетятся. Настоящий хаос. Однажды мне пришлось выйти на подиум в туфлях на полтора размера меньше. Будь готова ко всему. Это правило жизни.

– Ну уж такого, чтобы привидение похищало платье, у тебя точно не случилось! Кстати о привидениях, ты сама-то кто?

– Соберись, будь смелой, – проигнорировав мой вопрос, напутствовала Тайра и снова исчезла, оставив меня самостоятельно разбираться с проблемой.

В комнате было прохладно, и вскоре я начала дрожать. Вот простужусь здесь насмерть! Но не выходить же к людям в

таком виде. Вот они надо мной посмеются! Что я за человек такой! На конкурсе неудачников я бы даже не заняла первое место, потому что я, блин, неудачница! Я начинала злиться, и это меня подстегнуло. Подобравшись к кровати чуть ближе, я наклонилась и заглянула под нее. Там было темно и страшно. Стопка дощечек мешала обзору, и суетливым трусливым движением я достала их. Оказалось, это фотографии в рамках (кто и зачем убрал их под кровать?). Вдалеке светлело мое платье. Раз, два, три, взяли! Ну не решилась так не решилась, попробуем еще раз! Раз, два... нет, это невыносимо... сейчас, быстро – раз, два, три! Резко выпростав руку, я вцепилась в платье и рванула его на себя. Раздалось громкое сердитое шипение. Выпустив добычу, я отскочила к стене и тяжело задышала. Оно еще и шипит! Сперло мое платье и ворчит на меня!

– Да ты совсем оборзело!

Находясь на грани инфаркта от страха и ярости, я снова рванула платье на себя, ощутив некоторое сопротивление, не сильное, впрочем. Ага, наверное, только шипеть и умеешь! Если, конечно, это не какая-то потусторонняя смертельная ловушка... А вдруг там окровавленная рука, гуляющая сама по себе? Хотя как бы она тогда шипела, разве что суставами бы пощелкала... Я извлекла платье из-под кровати и увидела прицепившийся к нему серый ворчащий комок. Это был... ежик! Маленькие глаза животного выразили безграничное презрение, и, фыркнув, он с весьма высокомерным видом

удалился под кровать.

Повалившись на пол, я смеялась до красных пятен на лице. Успокоившись и прокашлявшись, надела на себя платье, обнаружив, что под мышками оно прогрызено и противно мокрое от ежиной слюны. Гадость какая!

Фотографии в рамках лежали прямо передо мной. На верхней я увидела светловолосую женщину, которую Женя представил как свою жену, обнимающую незнакомого мне мужчину среди переплетения виноградных лоз. Отложив рамку, я посмотрела на следующую. Снова та женщина, мужчина и мальчик, теперь на фоне морского побережья. А вот все трое распивают соки на веранде... Только я успела задуматься, что это может значить, как в комнату ворвался Женька собственной персоной. Увидев меня, он опешил, а заметив фотографии, и вовсе пришел в ужас.

– Да, это так! – закричал он, приблизившись ко мне одним прыжком и схватив меня за плечи. – Да, меня оставили приглядеть за ежом! Да, я тот младший, который дурак! Ну и что? Моему братцу просто повезло с женитьбой! Это не значит, что я хуже его!

– Да я не спорю, – хотела сказать я, но у меня ничего не получилось, потому что, совершая свои признания, Женя в накале чувств встряхивал меня, да так, что если бы мои мозги были сливками, они бы уже сбились в масло.

– Мне хотелось хоть день прожить, как человек, а не как чмо!

«Зачем ты мне все это рассказываешь? Сама бы я, может, и не додумалась...»

– Ж-ж-женя... Ж-женя... Женя!!!

– Что?

– Перестань!

– Прости, – он отдернул руки и, прижав их к бокам, посмотрел на меня жалко, как хромая собака в промозглый день. Мне вспомнилось, что в школе он был неплохим парнем. Никогда не называл меня «жирень» или «студень», как другие мальчишки.

– Жень, это твое дело, и я не собираюсь ничего никому говорить...

– Правда?! – воскликнул он радостно, как будто даже и мечтать не мог о подобной сговорчивости, и, снова сжав меня в медвежьих объятьях, начал порывисто целовать. Мне давно хотелось мужского внимания, но как только я его получила, то поняла, что не очень-то и хотелось. Я забарахталась, пытаюсь спасти свою жизнь, но Женя то ли не замечал моих усилий, то ли принимал их за выражение восторга. Спасла меня, как ни странно, Ксения.

– Женя, кися, – она ввалилась в комнату и застыла как вкопанная.

Мне удалось отцепиться от Жени, и я оказалась на линии огня как была, без щита и забрала. Да, на владение таким убийственным взглядом следует получать разрешение. Вот только психиатрического освидетельствования она не прой-

дет. Женя украдкой подпиннул фоторамки под кровать. Не дожидаясь, когда Ксения перейдет к активным действиям, я протиснулась мимо нее за дверь. Убегая, я успела расслышать: «Ты? С этой?! Скотина! Кретин!» Кажется, я испортила их намечающееся свидание... В силу своей испорченности, Ксения, несомненно, подумает, что я это нарочно. Инстинкт самосохранения подсказывал, что пора валить.

– Мне бы домой, – прошептала я, на трясущихся ногах подковыляв к Леночке, беседующей с невозмутимой Ольгой. – У кого-нибудь есть визитка службы такси?

– Чего так рано? – спросила Леночка, но полезла в сумочку за визиткой.

– Голова разболелась.

Я вызвала машину, но забрать меня раньше чем через полчаса они не обещали. Ох, надеюсь, Ксения не станет бить меня на людях. Налив себе сока, я слушала, как Леночка продолжает нахваливать Антошу. И компьютеры сам чинит, и помаду ей выбрал тон в тон, и колечко-то подарил замечательное, вот оно, кстати, если вы вдруг не заметили. С бриллиантиком! Ольга скептически улыбалась, размышляя о чем-то своем. Я старалась не замечать доносящихся от Жени и Ксении криков.

Мои надежды не оправдались. Вернувшись в комнату, Ксения первым делом мощной, как вертолетная лопасть, рукой вдарила мне по пояснице. Пролетев вперед, я грохнулась на колени и, благодаря шелковой гладкости колготок, про-

ехалась по ковру пару метров, оказавшись прямоиком посреди группки пьяно шатающихся людей, убежденных, что они танцуют.

Мое появление было столь эффектным, что народ замер, ожидая продолжения. Ни жива ни мертва, как бедная овечка, я посмотрела на них снизу вверх. И снова увидела Тайру. Она возвышалась надо мной, уперев руки в боки в типичной модельной позе. На ее волосах вспыхивали разноцветные блики от новогодних фонариков, развешенных Женей для придания атмосферы.

– Упала и что? Я тоже падала.

«Тайра, на меня все смотрят», – послала я ей мысленную реплику.

– А то на меня не пялились, когда я разбросала копыта посреди подиума! Вот тебе саечка за испуг, – наклонившись, она хлопнула меня тыльной стороной ладони по нижней челюсти. – Не сдавайся! Притворись, что все так и было задумано! Порази их всех!

В этот раз она пропала в один момент, погасла, как звезда на небе, но я все еще слышала ее голос в голове: «Не сдавайся!» Еще я слышала музыку. Это была песня Бритни Спирс. В клипе ожиревшая, опухшая от гулянок Бритни танцевала у шеста. Бедная Бритни, ей тоже часто доставалось. Я почувствовала ритм песни, дрожащий в моем позвоночнике, и слегка шевельнулась. Окружающие меня люди вдруг расплылись и пропали совсем. Я повторила движение, уже сме-

лее, затем прижала руки к груди и обнаружила, что одного рукава у меня уже почти нет: петли прогрызенного платья стремительно распускались. Кажется, этого еще никто не успел заметить, но до очередного позора оставалось всего несколько минут...

Внезапно меня обуяло лихорадочное безрассудство. В трезвом состоянии я бы ни за что не решилась на такое, но сейчас все казалось вполне естественным. Да, я могу! Я смелая! Я женщина, которая сразилась с ежом и победила! Решительным резким движением я сорвала с себя остатки платья. Запуталась, но быстро освободилась. Цветные фонарики слепили, мигали то синим, то зеленым, то красным. И я начала свой безумный танец. Это было тем более нелепо, что танцевать я не умела и, прекрасно осведомленная об этом, даже никогда и не пробовала. Я двигалась по полу, как паук, а порой вспархивала, как стрекоза, радуясь движению и совсем забыв, что на самом деле я маленькая дрожащая от страха личинка. Все мысли куда-то пропали. Когда музыка затихла, еще несколько секунд я продолжала двигаться, а потом обессилено повалилась на пол.

Меня привели в чувство громкие аплодисменты. Незнакомый бородач старался до боли в ладонях.

– Bravo! Молодца!

К моему удивлению, еще несколько человек его поддерживали. Остальные стояли с длинными, ошалелыми физиономиями.

– Кстати, ты кто вообще? – спросил Женя бородача.

Загадочно улыбнувшись, бородач плеснул в Женину рюмку еще водки.

Неуклюже поднявшись, я изобразила книксен, что было немного чопорно после того, что я здесь устроила. Если я и намеревалась насладиться своими пятью минутами славы, то у Ксении были другие планы на мое время.

– Вот ты дрянь, всегда найдешь, как выкрутиться, да?

Растерявшись от внезапного наскока, я надолго задумалась, прежде чем ответить.

– Нет, – выдала я наконец.

Я не знаю, чем мой ответ так взбеленил Ксению, но она выбросила вперед руку, пытаясь ударить меня. Я отскочила, и удар пришелся по винной бутылке, которая разбилась вдребезги, после чего я поняла, что дела мои плохи и что с миром живых меня связывает тонкая-тонкая ниточка.

– Ты-ы... придушу... убью...

– Помогите! – взвизгнула я, но все стояли с такими заинтересованными лицами, как будто пришли на реслинг или вроде того.

Ксения зашвырнула в меня апельсином, а когда я увернулась, бросила уже всю тарелку с фруктами.

– Вот чертова баба! – воскликнула Тайра Бэнкс, одинокое лицо которой появилось в пространстве на манер чеширского кота.

– Ну, помогите же кто-нибудь!

Раскрасневшаяся Ксения все больше напоминала взбешенного быка. Надвигаясь на меня, она издавала страшный ревуший звук. Не хватало только пара из ноздрей. Страх за свою жизнь принудил меня проявить невиданные доселе проворство и ловкость. Я перемахнула через кресло и на четвереньках занырнула под стол. Выпрямившись на другой стороне, я увидела, как Ксения бежит ко мне, по-бычьему наклонив голову.

– Нет-нет-нет-нет! – закричала я, но рычащая, вспотевшая от ярости Ксения уже толкнула заставленный тарелками стол на меня... я поставила руки... и толкнула стол обратно. К моему удивлению, это оказалось очень легко. Стол рухнул, погребая под собой Ксению. Зазвенела посуда, забулькали напитки, выливаясь из бутылок.

– Надеюсь, мы ее не слишком сильно припечатали, – услышала я голос рядом и, повернув голову, увидела Федю.

Судя по громким воплям, Ксения была жива, полна сил и готова продолжать. Край стола прижал ее на уровне чуть ниже груди, и, бессильно сгибая в локтях руки и дергая ногами, она никак не могла освободиться. Смотреть на нее было любо-дорого: лицо заляпано салатом, в волосах запутались куриные ножки.

– Если бы не ты, она бы меня убила. Спасибо, – поблагодарила я Федю с искренним чувством.

Женя подошел к Ксении, пытаясь поднять стол, но я прервала его:

– Ну уж нет! Не раньше, чем я уйду! – и принялась шарить в груди одежды в поисках своей куртки.

– Притащилась сюда, – тяжело выдохнула Ксения. – Строила из себя... бахвалилась... сперла мужика прямо у меня из-под носа! Это при твоём-то адвокате! Ну да, ты же теперь *похудевшая!*

Задумавшись, я перевела взгляд на Тайру, которая решила явить себя целиком. Неведомым образом примостившаяся на ребре перевернутого стола, она раздавила бы Ксению окончательно, если бы, как и положено галлюцинации, не была легка, как вечерняя тень. Тайра пригрозила пальчиком:

– Если тебе справедливо указали на ошибку, признай ее. Отрицая, ты будешь ошибаться снова и снова.

– Да, пожалуй, я действительно строила из себя невесть кого, – с сожалением подтвердила я. – Но не бахвалилась. Просто пыталась не выглядеть неудачницей. Похоже, тут многие пытались, так или иначе. И посмотрите, что в итоге получилось: мы даже более убогие, чем в нашей обычной жизни.

Женя заметно напрягся, и я с досадой отвернулась от него.

– Все, с меня достаточно этого маскарада. Нет у меня никакого адвоката-иностранца. И вообще нет парня! И нет помощницы, потому что я сама всего лишь ассистентка! Я живу на съемной квартире, где комната двенадцать метров, а кухня – семь! И еще я смотрела «Сумерки»! И мне понравилось!

Неизвестно, до чего бы я доболталась, если бы не зазвонил телефон.

– Такси прибыло. Я поехала, а то моя помощница соскучилась. То есть моя собака. То есть хомячок. Зачем я опять вру? Нет у меня хомяка!

Я помахала всем рукой, и все помахали мне в ответ – механически, как роботы. Ксения выдала очередной поток бра-ни.

– Не забудь про походку, – напомнила Тайра. – Когда ты приходишь и уходишь, люди прежде всего обращают внимание на твою походку.

Не слишком быстро и не слишком медленно. Спина прямая, но не так, будто жердь проглотила. Бедрa расслаблены, но не стоит вилять ими слишком сильно... Впрочем, чего я задумалась, тут два шага до двери. Я вытянулась во весь свой рост и пошла.

Возле машины меня настигла Ольга Кораблева. Она тронула меня за плечо и спросила:

– Можно я с тобой?

– Конечно.

В машине я часто моргала, пытаюсь сдержать слезы. ореол истончался, пропадал, и сказанное и сделанное в этот вечер с каждой минутой казалось ужаснее. Этот танец я себе не прощу до конца дней моих!

Ольга опустила окно и закурила.

– Хоть ты одна нормальная, – сказала она. – А то у всех

дачи, тряпки да кольца с бриллиантами. А мне, как ни защищаюсь в своем НИИ, сапоги на зиму купить не на что.

Я заметила, что ее рука с сигаретой дрожит, а сама Ольга, прежде казавшаяся мне совершенно трезвой, сильно нагрузилась. Сбоку можно было заметить морщинки в уголках ее глаз, что спереди не позволяли рассмотреть очки. Моя рука потянулась к ее плечу, но Ольга повернула голову, явив мне свой леденящий взор, и я отстранилась.

Она вышла из машины, не заплатив. Я смотрела, как она удаляется, кренясь на одно плечо под тяжестью пухлой сумки. Я подумала, что она была такая принципиальная в школе. Не давала списать ни одной контрольной. С тех пор утекло так много воды...

Отдав таксисту последние деньги (в ожидании зарплаты буду худеть), я доплелась до своего этажа и возле двери встретила выходящего из своей квартиры злополучного соседа в его традиционном наряде: полосатая регги-шапка, майка с Королем Львом, рваные джинсы и зеленые шлепанцы на босу ногу. Прижав к уху мобильник, он сетовал на жизнь:

– Что-то я совсем закопался. А так хочется развеяться... расслабиться... перекомпилировать ядро моей Убунты... – заметив меня и мою выглядывающую из-под куртки сорочку, присвистнул: – Девушка ушла в отрыв.

Тайры рядом не было, поэтому я не смогла сохранить достоинство и, что-то недовольно пробурчав, скрылась в своей

квартире. Рухнув на кровать, я увидела разбросанные по покрывалу коробочки лекарств, принятых мною сегодня днем, и у меня возникло страшное подозрение... «Не совмещать с алкоголем!» – снова и снова читала я, разворачивая вкладыши, пока со стоном не упала лицом на ладони...

Назавтра, прокравшись в «контакт» и жалея, что здесь нет возможности войти в режиме невидимки, я увидела сообщение от Феди.

«Ты была звезда! Ты всех сделала! Когда ты ушла, все только и говорили, что о твоём танце... Лопареву, я думал, кондрашка хватит. И ты одна была честной. Наверное, хорошо, что ты не осталась, там такое творилось. Нажрались как свиньи. Ксюшка совратила Ленкиного мужа, пока Ленка прикорнула в отключке... Ленка в итоге бросила кольцо и уехала... Антоша ее и говорит: «Ну и ладно, все равно она сама его себе купила», а потом на Ксеньку с кулаками... еле оттащили, но Ксюшка теперь хочет подавать заявление об избиении. Макс сломал щиколотку, решил спьяну показать пару упражнений. Тоже мне, атлет... Бородатый мужик так напился, что лежал трупом. Нам его домой отгружать, а никто не знает, кто он. Он, похоже, даже не из нашей школы! А Кораблева вообще учудила! Женька только к утру сообщил, что она вещей понабивала в сумку, и такова! Даже кофемолку прихватила. Еще еж куда-то пропал. Женька думает, зверь не выдержал шума и сбежал. Не пойму, зачем так психовать из-за какого-то ежа? Вот дурдомиче получил-

ся... никогда больше не пойду на встречу выпускников. Одно светлое пятно было – ты. Теперь не пропадай».

Как будто я терялась.

За оставшиеся два выходных мы с Федей обменялись тремя десятками сообщений, и я ходила по квартире сияющая, прижимая к себе «Джейн Эйр». Впервые за долгое, долгое время я чувствовала себя победительницей.

Мне удалось сохранить свое сияние, даже когда выяснилось, что видео, где я лихо отплясываю в исподнем, выложили в Интернет под названием «Пухленькая телочка отжигает на встрече выпускников». В комментариях меня ругали за то, что я недостаточно одета, и за то, что не разделась совсем. Хвалили за пышность форм, и советовали скинуть килограмм десять. «Пьяная в дупель, – сердито написал кто-то. – А потом такие рожают детей!» «Никого я не рожаю», – попыталась оправдаться я, после чего на меня набросились, обзывая поганой чайлдфри.

В итоге, потратив четыре часа на бесполезную ругань, я решила просто закрыть страницу с видео и не вспоминать о нем. Тайра Бэнкс говорила, что если бездумно принимать всю критику, что на тебя обрушивается, то никогда не достигнешь успеха, и я решила, что ее мнение важнее. После того вечера она больше не являлась мне, и порой я чувствовала, что мне сильно не хватает ее наставничества.

Глава 4: Секрет идеального свидания

Три быстротечных дня майских праздников закончились, и настал черед будней. Я выздоровела. Если бы не Роланд, без которого я вся исстрадалась, возвращение на работу повергло бы меня в депрессию. Или заставило бы снова заболеть.

– Как дела? – спросила я у Дианы.

– Хорошо, но, – ответила Диана с саркастичной улыбкой.

– То есть?

– Ты поймешь.

Я поздоровалась с подошедшей Ириной, но та, явно чем-то озабоченная, даже и не заметила. Теперь ее место было прямо напротив Дианы, наискосок от меня. Хотя Диану и Ирину разделяла стеклянная перегородка, миазмы, по сообщению Дианы, доходили.

Я открыла электронную почту, заранее расстроенная перспективой разгребать накопившийся за время больничного завал, но ничего не обнаружила, кроме стандартной рассылки с офисными новостями. Странно.

Диана коснулась моего бедра, передав под столом записку. «У нас простой, – извещала записка. – Со дня своего появления Ирина не организовала ни одного заказа».

Простой. Не такое уж редкое явление в офисе, но каждый, кто посмеет произнести это слово вслух, будет немедленно подвергнут репрессиям. Прямо табу, как в африканских племенах. Я никогда этого не понимала. Если сотрудники свободны по не зависящим от них причинам, почему бы им просто не заняться своими делами? Так нет же, только два варианта: на работе мы работаем или делаем вид, что работаем.

У всего отдела ушки стояли на макушке. Аня уже воровато шарила на сайте магазина одежды, Диана проходила тест на английском. Я раскрыла Джейн Остин и Superjob, чтобы прятать за ним Джейн Остин. За стеклом Ирина сердито щелкала клавишами. Губы ее были сжаты в тонкую-тонкую ниточку. Я забила в Интернете ее фамилию и имя, пытаюсь отыскать информацию, но нашла только пафосно составленное резюме и несколько студийных фотографий, на которых Ирина улыбалась застывшей, безжизненной улыбкой.

В 12.15 Федя написал мне сообщение: «Привет! Как дела?» Я напечатала, что сижу, ничего не делаю, хочу домой. Федя ответил, что у них, наоборот, завал, с утра уже пять вызовов – он работал в компании, занимающейся починкой компьютеров на дому у клиентов. Я посочувствовала ему. Он прислал картинку с бегущей в колесе белкой. И так слово за слово, картинка за картинкой... В какой-то момент я вдруг осознала, что за моим плечом стоит Ирина, и суетливо свернула страницу. Удивительно, но Ирина вроде бы ничего

не заметила, глядя на меня сверху вниз и улыбаясь без всякого выражения в глазах.

– Соня, хорошо, что ты выздоровела, – Ирина обращалась ко всем на «ты», подчеркивая этим, что поддерживает неформальный, свободный стиль общения.

– Спасибо.

– Но в дальнейшем постарайся не болеть. Компании это обходится очень дорого.

Некоторое время Ирина продолжала смотреть на меня и улыбаться (уголки ее губ уже начали дрожать от напряжения), затем отошла, оставив меня в недоумении. Должна ли я радоваться, что начальница интересуется моим здоровьем, или же расстроиться, что подвела компанию? Но пришло новое сообщение от Феди и отвлекло меня.

В половине второго Ирина захлопнула свой ноутбук и тихо испарилась, ни с кем не попрощавшись. Через минуту подошла Диана, вернувшаяся с обеденного перерыва.

– Все строчишь. С кем это ты?

– Да я тут с парнем начала общаться...

– Как тебя угораздило?

– Он спас меня от стола.

– Даже не спрашиваю, как это произошло.

И почему Диана убеждена, что от моей личной жизни кроме нелепостей и ожидать нечего?

С отбытием начальницы все сразу расслабились, повеселели, начали передавать друг другу конфетки. Я налила кофе

и поудобнее расположилась в кресле, сосредотачиваясь на общении. Федя рассказывал, какими глупыми бывают люди в обращении со своими компьютерами. Я поддакивала, отправляла смайлики и мучительно пыталась придумать что-нибудь остроумное, но Федя, кажется, не замечал моего косноязычия.

Хозяйка вертепа вернулась в четыре, но все уже настолько погрязли в пороке и праздности, что не обратили на нее внимания. Воткнувшись в монитор, Ирина два часа просидела совершенно неподвижно, не двигая даже зрачками. Меня это немного нервировало. Что творится в голове у этой женщины?

Без десяти шесть девчонки зашевелились, сгребая со стола обертки от конфет и подкрашивая губы перед выходом. Моя рука уже потянулась к кнопке выключения компьютера, когда телефон на столе зазвонил.

– София, подойди, пожалуйста, – услышала я голос Ирины, одновременно в трубке и из-за стеклянной перегородки.

– София, у меня маленькая просьба, – начала она, когда я подошла к ней. – Мне срочно нужен обзор заработных плат медицинских представителей. Просмотри предложения, а лучше сделай несколько звонков.

– В какой форме предоставить отчет?

– В свободной. Мне только сориентироваться. Прости, что беспокою тебя в конце рабочего дня, – у Ирины был влажный взгляд олененка Бэмби, стоящего над телом матери.

– Конечно, нет проблем.

В большинстве офисов уже не отвечали, так что пришлось довольствоваться информацией, предоставленной в тексте вакансий. Через пятнадцать минут все было готово, и, прикрепив текстовый файл к письму, я щелкнула по значку «отправить», гордая тем, что начальница обратилась с просьбой именно ко мне. Если я буду аккуратной, исполнительницей и дружелюбной, то скоро окажусь в фаворе, а там и повышение не за горами!

И тут снова раздался звонок.

– Соня, подойди ко мне.

Почему она просто не говорит погромче? Это нелепо, общаться по телефону, сидя в двух метрах друг от друга.

– Да?

– Спасибо тебе за отчет, но прежде чем отправлять документ руководству, следует привести его в цивилизованный вид, а ты просто свалила все в кучу.

– Простите, – смутилась я. – Каким вы хотите его видеть?

– Создай колонки – название компании, вакансии, требуемый опыт, оклад.

Хм. Я не знала, что следует указать и требуемый опыт... пришлось снова перерывать страницы с вакансиями. С задачей я управилась только через полчаса.

– Соня, – Ирина всем своим видом выражала сожаление, когда ей пришлось позвать меня к себе очередным звонком, – здесь у тебя зарплата указана в gross, без вычета подо-

ходного налога, да? – она ткнула в монитор перламутровым ногтем.

– Да.

– А здесь?

– А здесь чистыми, минус тринадцать процентов.

– Все должно быть в едином формате. Исправь.

После того, как я разобралась и с этой погрешностью, выяснилось, что я забыла указать данные о социальном пакете. Потом мне порекомендовали рассортировать таблицу по уровню оклада. Потом оказалось, что в таблице представлено недостаточное количество иностранных компаний. С каждым новым замечанием голос Ирины звучал все тише, а губы ее сжимались все плотнее, что делало ее похожей на старую несчастную черепаху. Я же от надежд на повышение перешла к мечтам, что меня не уволят.

– В чем дело? – с искренним участием осведомилась Ирина. – Это же совсем несложно.

Это действительно не было сложным, и я не понимала, что происходит. Почему я каждый раз упускаю столь очевидные моменты?

В 8.25 Ирина начала покашливать и выразительно поглядывать на часы, тем не менее указав на очередной мой просчет. Мне захотелось запереться в туалетной кабинке и утопиться в унитазае. А что еще, скажите, делать самому бесполезному человеку на свете? Без двадцати девять Ирина получила итоговый вариант, а я бросилась прочь, не уверенная,

что завтра мне хватит смелости снова войти в этот офис...

Тридцать минут пробежав от трамвайной остановки к автобусной в надежде, что хоть где-то что-то приедет, в десять я достигла двери моей квартиры и – угадайте, что случилось – встретила соседа. Я так часто сталкивалась с ним, что, если бы он мне нравился, подумала бы, что судьба посылает намеки. Но он мне не нравился, и, буркнув формальное «здравствуйте», я во избежание визуального контакта притворилась, что занята поиском ключей. Меньше минуты спустя сосед не нравился мне еще больше, потому что, копаясь в сумке, я подслушала крайне подозрительный телефонный разговор.

– Кого ты мне прислал? – возмутился Эрик. – Теперь заставь меня ее развидеть! Да она только в 95 году сошла бы за красотку! Сиськи каждая с ее голову! Ей что, спать на них, как на подушках? А нос? Она явно стремится в санитары леса! Сруби его! Или я сам ей его снесу! Хотя какое мое дело, девочка-то твоя!

Ошеломленная этой тирадой, я застыла как суслик, перебегающий дорогу и вдруг заслышавший шум приближающегося грузовика. Наконец заметив меня, сосед очаровательно улыбнулся:

– Привет!

После чего удалился, продолжая костерить неизвестную на чем свет стоит.

Мне было далеко до настоящей американской феминистки, но даже мне показалось, что отзываться о женщине по-

добным образом непозволительно. И что значит «прислал»? Мысли в голову приходили самые нехорошие...

В «контакте» меня ожидали пятнадцать сообщений. Я быстро просмотрела их: картинка, картинка, картинка... Я была раздражена после провала с отчетом, и мне подумалось, что отправлять картинки самый легкий способ поддержать общение. Вообще не паришься. Даже не включаешь мозги. Просто просматриваешь всякую ерунду, пока человек набирает тебе сообщение, а потом отправляешь первую попавшуюся jpeg-шутеечку вместо ответа. Хотя с каких это пор я стала такой привередливой? Неделю назад меня обрадовало бы даже сообщение «Зафиксирована попытка взлома вашего аккаунта» – вроде, хоть кто-то проявил ко мне интерес.

«Только пришла домой, – напечатала я. – Устала, как собака».

Федя как будто все это время сидел у компьютера и ждал. «Ужас какой! Кстати, вот тебе картинка с собачкой в тему! А чего тебя так задержали?»

Я вдруг поняла, что просто не могу признаться в своей неспособности составить элементарнейший отчет, поэтому ответила уклончиво: «Да работы вдруг навалилось...»

«А-а...»

Мы потоптались немного, пытаясь набрести на тему для разговора. Потом Федя прислал картинку с доктором Хаусом, что на этот раз было действительно кстати, и мы пере-

ключились на обсуждение сериалов, проболтав весь вечер. Попутно я как-то незаметно для себя умяла коробку шоколадных конфет, и стыд едва не перевесил удовольствие от разговора. Тем не менее спать я легла счастливая. Больше одиночество не окружало меня беспросветной мглой... где-то рядом загорелся маленький огонек. Федя был таким милым...

Он был милым и в среду. И в четверг. Спасибо небу, он был, а то бы я совсем рехнулась: после инцидента со злополучным отчетом мне не давали совсем никакой работы, и все мои рабочие обязанности свелись к убиванию времени в Интернете и очистке фильтра кофеварки на кухне. Федя рассказал мне про своего кота. Его звали Пельмень. Он был толстый и ленивый, потому что кастрированный. Федя обещал познакомить меня с ним, но, едва я просияла, разочаровал уточнением: «Когда-нибудь, в будущем». Путем долгих, витиеватых и неочевидных расспросов мне удалось выяснить, что Федя живет с мамой. Это меня немного расстроило, хотя бы потому, что ни один из мужчин в романах не жил на четвертом десятке с мамой. Рост Феде почти дотягивал до минимальной планки, но вот цвет волос был не тот. Я утешила себя тем, что рано или поздно все мужчины седеют и тогда становится все равно.

В одиннадцать вечера, вынося мусор, я успела заметить вышедшую из квартиры Эрика женщину с длинными светлыми волосами. На ней была раскрашенная под леопарда

юбка и зеленые туфли на безумно высоких каблуках. «Хм», – сказала я себе, стоя возле мусоропровода и чувствуя себя то ли Шерлоком Холмсом, то ли оправдомшей из «Бриллиантовой руки».

В пятницу с утра я получила от Феди картинку с плюшевым медвежонком, обнимающим тряпичное сердце, догадалась, что сегодня он намеревается быть *особенно* милым, и тут же поняла, что меня это не устраивает.

На кухне возле микроволновки я настигла Диану, зажала ее в угол и вперилась в нее умоляющим взглядом.

– Что мне делать?

– Где? Когда? С чем? С кем? Зачем?

– Мы замечательно общаемся в «контакте», один раз он мне даже звонил, но сейчас выходные на носу, а он и не думает пригласить меня!

Склонив голову к плечу, Диана насмешливо посмотрела на меня.

– Вечно ты сходишь с ума из-за ничего. Позови его сама, если тебе хочется.

– Вот еще! Приглашать на свидание – обязанность мужчины.

– Кто сказал?

– Все говорят!

– Нет, кто мужчинам об этом сказал? А то они явно не в курсе и все время чего-то ждут.

– Никогда не звала на свидание и не буду это делать.

– Тогда можешь сидеть дальше и ждать, когда тебя похитит прекрасный пират и женится на тебе посреди тропического острова.

Мне не понравилась эта подколка. Романы романами, а жизнь это жизнь. И я хорошо их различаю. Ведь правда?

– А вдруг у него какие-то другие планы?

– Тогда он так тебе и скажет. Все просто. Ладно, не грузись, весь день впереди, может, он сам тебя позовет, – Диана похлопала меня по плечу, и тут в микроволновке что-то взорвалось.

В четыре часа Федя прислал мне картинку, и я обиделась. Картинки из «контакта» не спасут женщину от одиночества. Да и что он хотел сказать мне этими играющими дельфинами с подписью «Это пятница»? Что им так весело вместе, а мне сегодня весь вечер сидеть в четырех стенах? Что даже дельфины способны завести отношения, а я нет? Что вот уже пятница, а я никому на фиг не нужна?

В пять часов, совсем отчаявшись, я начала забивать в Гугле мутные запросы вроде: «что делать если он ничего не делает». Как ни странно, многие женщины задавались тем же вопросом в той же формулировке, так же пренебрегая запятой перед «если», и в итоге я получила ответ, перейдя по ссылке на статью одного журналиста, который решил дать совет прозябающим в одиночестве дамочкам.

«Мужики устроены куда проще, чем вы, девочки, – уверял автор статьи. – Чтобы быстро обзавестись одним или

несколькими экземплярами, достаточно знать три простых секрета.

Первый: изучите компьютерные игры. Будет здорово, если научитесь в них играть, но это по возможности. Ни один мужчина не сможет устоять перед женщиной, рассуждающей о «Контр Страйк».

Второе – выучите сотню другую пошлых анекдотов, чтобы держать его в приподнятом, во всех смыслах, настроении.

И третье – вооружившись этими знаниями, небрежно пригласите объект выпить пива. Это не унизит вас, хотя бы потому, что ни один парень не откажется выпить пива. Очень быстро он обнаружит в вас идеального компаньона и поспешит повести под венец прежде, чем вы очаровали кого-то еще».

Хм. Послушать его, так все проще пареной репы и вообще непонятно, чего я сижу все эти годы одна. Ладно, попробую почитать про игры...

Игр оказалось столько, что я мгновенно запуталась, к тому же все эти английские названия были для меня дремучий лес. Даже не уверена, что смогла прочесть их правильно. Времени оставалось все меньше, и тогда я просто сбросила информацию в текстовый документ в надежде разобраться в маршрутке. Пустив текст в печать, я направилась к принтеру и увидела Ирину, рассматривающую мою распечатку с возмущенным видом.

– Чье это?

– Не знаю, – соврала я.

– Что ты делаешь возле принтера?

Я притворилась дурочкой – к счастью, у меня были для этого все данные:

– А действительно... – и испарилась.

В десять минут седьмого мне таки удалось выцапать свой текст. В восемь я трясущимися пальцами набрала из дома сообщение: «Пошли выпьем пива?» Тут я вспомнила, что Федя не пьет. «Безалкогольного пива», – уточнила я. Ответ пришел меньше чем через минуту: «Когда? Где?»

В субботу мы встретились в баре с привлекательным для каждой девушки названием «Зелененький» (Федина идея; я согласилась только потому, что жила совсем неподалеку, в соседнем квартале). Прислушавшись к совету автора статьи, я не стала обряжаться в шпильки и бальное платье и оказалась права – изнутри это достопочтенное заведение напоминало осовремененный салун Дикого Запада. Разве что блюющие ковбои не валялись под ногами. Кроме меня и вульгарно накрашенной официантки, женщин в зале не было. Расфуфыренная, я бы смотрелась так, будто здесь работаю – еще и канкан бы станцевать заставили.

Меню представляло собой крошечный ужас: жареная картошка, жареное мясо, жареная рыба, жареные луковые кольца.

– Э, а салата тут нет?

Разумеется, салата не было. Пришлось заказать креветки.

Только потом я сообразила, что, ковыряя их, выгляжу крайне неуклюже. Да еще эти их глаза... неприятно есть кого-то, кто на тебя смотрит.

Десять минут, пока не принесли пиво, мы с Федей пялились друг на друга и улыбались. «Ага, – подумала я. – Без картинок тебе и сказать нечего». И тогда начала я. Причем начала лихо, в своей манере, и почему-то из всех тупых анекдотов, которые я прочитала, готовясь к свиданию, припомнила самый тупой:

– Идет мужик по пустыне. И ему сильно, сильно хочется... ну, этого. И он видит дохлого верблюда. Думает: раз такое дело, и верблюд сойдет. Пытается он пристроиться к верблюду, чтобы... ты понял... но у него никак не получается, потому что нога верблюда все время мешает. И тут почему-то бежит голая женщина. И говорит: «Я так хочу пить! Все для тебя за воду сделаю!» А у него, я забыла сказать, была фляга воды. Он дает женщине напиться, та его благодарит, спрашивает, чего он хочет, и он говорит: «Ногу верблюда поддержи!» – выдав все на одном дыхании, я даже запыхалась. Федя сидел с каменным лицом. – Вот дурак! У него же была голая женщина! А до него не дошло! И он продолжил с верблюдом! Ха-ха?

Федя взял салфетку и аккуратно вытер губы, как будто съел что-то мерзкое.

– Совокупление с мертвым животным – это отвратительно.

– Ладно, ладно, – смутилась я. – А знаешь, что нельзя говорить женщине после орального секса?

– Что?

– По усам текло, а в рот не попало.

Федя посмотрел на меня так, как будто засомневался в моем психическом здоровье.

– А еще я играю в компьютерные игры, – быстро сказала я.

– Да? – немного ожил Федя. – И какие тебе нравятся?

Если бы я хоть одну могла вспомнить...

– Ой, мобильник вибрирует, – я начала рыться в сумочке в поисках моей распечатки.

– Соня, да вот же он, на столе лежит.

– Да-а? Тогда мне интересно, что же там вибрирует... Вот, я люблю Жи-Ти-Эй.

– Чего? А, ты GTA, наверное, имеешь в виду... Клевая игра, – Федя отпил пива. – Там можно сбивать пешеходов и даже зайти в больницу и избить битой коматозника.

– Я тоже люблю бить битой коматозников, – механически поддакнула я, судорожно пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь о перенасыщенном и многообразном мире игр. – Как ты думаешь, мы делаем это в игре, потому что нам не хватает подобных переживаний в реальной жизни?

Федя вытаращил на меня глаза.

– А тебе действительно хочется избивать коматозников?

– Ээ-эм, не то чтобы очень... – я зацедила пиво мелкими глоточками, притворяясь, что слишком занята, чтобы разви-

вать тему.

– А еще какие игры ты любишь?

Вот привязался...

– Телефон... – опять нырнула я в сумку. – Проклятый магазин, так и шлет эсэмэски о распродажах...

– Соня, твой телефон все еще на столе.

– Ну и что? – возмутилась я. – Это не мешает им слать эсэмэски о распродажах. О, «До-ом 2». Моя самая любимая игра.

– «Дом 2» это не игра.

– Но он есть в моем компьютере, и я в него играю!

Мы спорили еще минут пять, когда до Феде дошло.

– А-а... DOOM 2!

– Да, «Дом».

– Это читается «Дум».

– Главное, что игра отличная, – сказала я с видом эксперта.

– Что тебе может нравиться в этой игре?!

Я задумалась, пытаюсь понять, что вообще могло бы мне понравиться в игре.

– Она спокойная такая, расслабляет.

– Тебя расслабляет массовое истребление монстров в аду?!

– У меня такая нервная работа, что после ад кажется раем, – нашлась я, что прозвучало вполне искренне – Ирина еще не показала свои рога и копыта, но пылкать огнем уже

потихоньку начинала.

– Сколько лет ты уже играешь?

– Пять, – пять лет назад я устроилась в «Синерджи», и тогда же началась моя страсть к пасьянсу «Косынка».

– Здорово, – Федя вдруг положил руку поверх моей и, приблизив лицо, доверительно сообщил: – А я гей 80-го уровня.

– Что?! – отшатнувшись, я сбила стакан с остатками пива, и оно заструилось по столу, стекая мне на юбку.

– Эльф. 80-го уровня, – повторил Федя, и на меня накатил волна облегчения.

– Это круто! Замечательно! Нет, действительно классно!

Федя расцвел.

– Никогда ни одна девушка не хвалила меня за это. Ты такая необычная.

– Они просто не понимают, сколько труда ты вложил.

– Да ты что! – всплеснул руками Федя. – Сутками сидел за компьютером! Но теперь... я встретил тебя... все усилия вознаграждены...

Посмотрев в его глаза, я увидела в них сияние, влюбленность, радость... невероятно, но статья работала.

Мы просидели в баре до полуночи. Федя заказывал кружку за кружкой. Пиво, поняла я с опозданием, оказалось не таким уж безалкогольным, но Федя отмахнулся – ладно, в такой шикарный вечер можно и выпить. С каждым глотком Федя становился словоохотливее, рассыпая непонят-

ные мне термины вроде: «абилити», «мана», «амонт», «гильдия», «крафтинг». Мне оставалось только кивать и соглашаться. Наверное, это было бы скучно (да и такая страсть к онлайн-играм тревожит), но иногда Федя прерывался и переходил на понятный мне язык: «Ты великолепна! Ты просто обалденна!» Столько восхищенных слов в свой адрес за один вечер я никогда не слышала и, когда Федя провожал меня до дома, парила над землей, едва касаясь ее каблуками.

У моего подъезда мы остановились.

– Спасибо тебе за все. Это было лучшее свидание в моей жизни.

Он сказал «свидание»!

– И в моей, – улыбнулась я и не очень-то и лукавила: собственно, кроме свидания с носатым Константином, я больше и припомнить ничего не могла, так давно мне не доводилось с кем-то выходить.

– Ты такая... такая...

Так и не найдя подходящих слов, Федя потянулся ко мне носом... я привстала на цыпочки, поднимая лицо ему навстречу... и вот наши губы уже почти соприкоснулись... и тут Федя громко икнул.

– Прости, – он зажал рот ладонью. – Пффво. Проклятое пиво, я хотел сказать. Давай еще раз...

Мы снова потянулись друг к другу, и Федя снова икнул. Момент был очевидно упущен, пришлось пожелать спокойной ночи и расстаться. Набирая код домофона, я слышала

все отдаляющиеся звуки икоты. У меня мелькнула мысль пригласить Федю к себе под предлогом «попить водички», но я безжалостно прогнала ее – такие решения надо принимать на трезвую голову.

После всего выпитого тащиться на пятый этаж было ой как тяжело. Но сосед не встретился, уже хорошо.

В воскресенье я встала на весы и обнаружила, что, судя по весу, картошка-фри осталась висеть у меня на талии, а пара куриных окорочков накрепко прилипла к заднице. Печально. После завтрака я решила устроить кефирный разгрузочный день. Почему бы и нет? Все равно так наелась блинами за завтраком, что весь день буду сытая.

Выползая из своей квартиры, я едва не столкнулась с внезапно выскочившей из квартиры Эрика растрепанной рыжеволосой женщиной лет тридцати на вид. Ее одежда наводила на мысли о работницах цирков и борделей – кружева, мини-юбка, цветные колготки и каблуки-ходули. Зато глаза у нее были как у Скарлетт О’Хара – зеленые, слегка раскосые, с золотой искоркой.

– Мальчишки, – сдув со лба завитой локон, сказала незнакомка. – С ними напрыгаешься.

Из магазина я вернулась с кексами, леденцами, шоколадкой и без кефира – я пережила стресс при встрече с непристойной женщиной, мне нужно успокоиться. И потом, сладкое – это счастье, а от счастья, говорят, худеют. Проверим, так ли это.

– Я была на свидании, – поддавшись порыву позвонить Диане, похвалилась я.

– И как оно?

– Отлично. Весь вечер говорили о компьютерных играх.

– Разве тебя интересуют компьютерные игры?

– Нет.

– Ты уверена, что это было отличное свидание?

Я была уверена. Тем более что Федя постоянно повторял, что все прошло просто супер.

Стартовала очередная унылая пятидневка будней. Ирина продолжала игнорировать меня, но теперь я была рада безделью, ведь поток картинок от Феди утроился. Ничего страшного, утешила я себя, в конце концов, при личном общении он вполне вмещающийся собеседник. К тому же играющие дельфины теперь фрустрировали меня меньше обычного.

Вечером мне пришлось идти к маме, потому что я и так в прошлый раз не пошла под предлогом визита к врачу.

Бабушка к моему приходу приготовила сковородку медленно дрейфующих в жире котлет, а мама – длинную нотацию. Не знаю, что из этого нанесло моему здоровью больший ущерб.

– Время уходит, а ты сидишь и не чешешься. Что у тебя на голове опять? Срежь эти космы, ходишь, как шишига, к тебе если только какое чудо болотное пристанет. Я вот такая аккуратная девочка была... как с журнальной картинки. Хотя куда тебе до девочки, взрослая тетка, только вид не се-

рзный совсем. Ты на крема не надейся. Тебе недолго ходить свеженькой. Тридцать пять стукнет и, как я, морщинами покроешься. Так успеешь поймать мужика, пока осталось хоть что-то на что ловить!

Я прокашлялась.

– Мама...

Она продолжала.

– Котлетку? – спросила бабушка.

– Спасибо, бабушка, меня и так уже тошнит, – механически ответила я. – Мама... кажется, у меня появился парень.

Если бы к нам на стол, проломив потолок, рухнул неразорвавшийся снаряд времен Великой Отечественной, это произвело бы меньший эффект. Бабушка с грохотом уронила сковородку. Мама оцепенела на пару минут. А потом они заголосили обе разом:

– Тебе придется очень постараться, чтобы удержать его.

– С подружками не знакомь. Им бы только увести мужчину, надо, надо.

– Сходи постригись. И не спи с ним сразу!

– Романы свои все выбрось, а то подумает, что ты дура.

– У тебя зуб спереди кривоватый. Поэтому улыбайся, не показывая зубов.

– Грязные ложки в раковину не бросай. Выгонит в чем есть.

Последний в линейке отличных советов исходил от бабушки.

– Хватит! – закричала я, закрывая уши руками. – Хватит!
И они замолкли, хотя бы чтобы перевести дыхание.

Мы с мамой одновременно подняли взгляд на портрет моего отца.

– Да, мама, конечно, он не столь хорош, как папа, – устало согласилась я.

В среду Федя пригласил меня на футбол. Под предлогом посещения стоматолога я отпросилась с работы пораньше, несмотря на убеждение, что теперь-то меня точно уволят. К моему удивлению, Ирина легко отпустила меня, позволив мне отработать этот час завтра с утра. Хотя чего мне отрабатывать? Я же ничего не делаю.

Обычно толпы болельщиков, переполняющие трамваи и галдящие на улице, меня нервировали, но сегодня было интересно почувствовать себя частью всего этого, пусть даже сам футбол интереса не вызывал.

– Смотри, что я тебе приготовил! – сказал Федя вместо приветствия.

Он надел на меня шапку, которая помяла мою прическу, и шарф, который скрыл мою чудесную серебряную бабочку, висящую на цепочке. К тому же я не понимала, почему я так обязательно должна носить на себе эмблемы «Крыльев советов». Сам Федя был разодет как настоящий фанат.

На стадионе очень навязчиво предлагали пиво, рыбу, соленые орехи и всю ту же проклятую картошку-фри. Я бы смогла воспротивиться соблазну, ничего не купив, но Фе-

дя затоварился по полной. В итоге матч еще не начался, а мы уже налопались как гремлины и были слегка в подпитии. Я подумала, что настало время пригласить Федю к себе на ужин. Милый домашний ужин из низкокалорийных продуктов, с фруктами на десерт. И ничего жареного!

Начался матч. Болельщики все время гудели, что делало разговоры затруднительными, и у меня появилась надежда, что в этот раз я не наговорю глупостей. Хотя неловкий момент все-таки вышел, когда нашим забили, а я, перепутав команды, радостно вскочила и закричала:

– ГООООЛ!!!

На меня зашипели со всех сторон, и пришлось оправдываться, что это я радовалась за следующий гол, который «Крылья», несомненно, забьют в ворота противника. Кстати, которые из них ворота противника? И футболисты эти все одинаковые... Впрочем, вечер был не так уж и плох, потому что каждый раз, как мяч приближался к воротам, Федя трогательно сжимал мою руку, а когда «Крылья» все-таки забили, бросился меня обнимать. Это было так по-свойски, что у меня возникло ощущение, что мы уже год вместе. Теперь я ждала победы нашей команды вполне искренне, ожидая для себя особую награду, и беспокойно следила взглядом за перемещающимися по полю облаченными в голубое фигурами. Финальная минута матча, удар и... я вскочила, протягивая Феде руки, и с недоумением увидела, что он пылко обнимается с ближайшими мужиками...

Да, все-таки футбольное поле не лучшее место для свиданий. Пока мы шли к остановке, Федя все пытался меня поцеловать, но каждый раз откуда-то раздавался крик: «Крылья – чемпионы!», и он его подхватывал, сотрясая кулаками воздух.

К счастью, я могла добраться до дома пешком, а вот Федю в автобус пришлось буквально впихивать – завершение каждого матча сопровождалось транспортным коллапсом, так как толпы болельщиков пытались разъехаться по домам. Я еще долго не могла выкинуть из головы Федино лицо, размазанное по оконному стеклу. Все же я осталась несколько разочарованной сегодняшним мероприятием, хотя не стоило ставить об этом в известность Диану.

В четверг я пришла на работу в несносную рань и увидела, что офис пуст. Даже стишок вспомнился, про мальчика, который нашел нейтронную бомбу. «Долго над шуткой смеялись в РОНО, школа стоит, а в ней – никого». Зато я могла спокойно попить кофе и почитать форум «Космополитен». Только я устроилась, как появилась Диана.

– Чего ты так рано? – спросила я.

– Да приятно посидеть, поностальгировать, как тут все было без этой сучки.

– Угу. Она вроде ничего не делает, а все равно неприятно.

– Психо-игры, – презрительно фыркнула Диана. – Анечка наша теперь, между прочим, с этой пираньей обедает.

– Зачем ей это?

– Хочет остаться в компании.

– А ты?

– Хотела бы работать с неадекватными, устроилась бы санитаркой в дурдом, – отрезала Диана. – А ты куда вчера свалила?

– Мы с Федей были на футболе.

Диана навела на меня тяжелый взгляд.

– Это неправильно, – вынесла она вердикт и отвернулась.

– Почему неправильно?

– Невозможно выстроить нормальные отношения, все время подстраиваясь. У вас все крутится вокруг его увлечений. Он как будто разговаривает сам с собой.

– Зато вчера он написал мне, что я самая прекрасная девушка из всех, кого он знал!

– Лучше бы он поинтересовался, куда ты сама хотела бы сходить.

Несмотря на мои попытки отпираться, в глубине души я была согласна с Дианой. С другой стороны, я стала гораздо счастливее с Федей. Уж лучше обсуждать футбол, чем сидеть в тишине и представлять одинокую старость.

Подошедшая Ирина молча скользнула мимо нас и, включив свой ноутбук, сухо прокашлялась. Я посмотрела на нее с тоской. Каждый выход на работу превратился в тяжелое испытание. У меня начались изнурительные приступы беспокойства и ухудшился сон. Если мне больше ничего не поручают, а значит, я не приношу компании ни малейшей поль-

зы, почему меня до сих пор не известили об увольнении? Или это произойдет сегодня? Или завтра? Дома я уже начала просматривать вакансии в сфере подбора персонала. Хотя у меня и был теперь Федя, сердце все равно скорбно сжималось от мысли, что мне придется расстаться с Роландом.

Сейчас Ирина, уже столько дней не замечавшая меня, ответила взглядом и подняла трубку.

– София, в нашей компании открылась вакансия программиста. Я перешлю тебе все необходимые данные, и приступай к подбору.

Я радостно закивала. Жизнь внезапно начала налаживаться!

Рьяно приступив к работе, еще до обеденного перерыва я подобрала пятерых достойных кандидатов, с которыми я должна была встретиться в нашем офисе. Но после обеда Ирина подозвала меня к себе, и на ее лице я прочла сомнение.

– Пожалуй, я передам эту вакансию Диане.

– Но у меня пять собеседований в пятницу и понедельник...

– Диана проведет их. Для тебя у меня есть другое задание. Ладно, не так уж и плохо.

– Наша база данных сильно устарела, – продолжала Ирина. – А ведь, как известно, именно база с контактами профильных специалистов помогает осуществлять подбор редких кадров в рекордно короткие сроки. Необходимо про-

верить актуальность имеющейся информации. Раскрываешь каждую карту, звонишь. Если контакт доступен, проверяешь данные – имя, образование, опыт работы, согласие на хранение сведений в нашей базе. В случае отказа или недоступности контакта удаляешь карту.

– Но в нашей базе несколько тысяч карт!

– А ты считаешь, масштабность задачи это повод не браться за нее?

Я прикусила язык.

– Нет, конечно, нет.

Это была невероятно скучная работа. Звонишь, уточняешь, правишь. Звонишь, уточняешь, правишь. З, У, П. З, У, П. З, У, П. Повторить пять тысяч раз. Для такой работы должны придумать роботов. К вечеру я проверила 160 контактов. Осталось всего 4984.

– Она издевается над тобой, – прошипела мне на ухо Диана.

– Но база действительно устарела.

– Твой случай это как раз тот, когда простота хуже воровства.

Вернувшись домой в самых подавленных чувствах, я увидела возле своего подъезда мальчика лет семи. У него был совершенно ангельский вид, светлые вихры, васильково-синие глаза... и сигарета в зубах. Может, разумнее было пройти мимо, но я остановилась и сказала:

– Это нехорошо.

– Твое какое дело? – огрызнулся мальчик.

– Я серьезно. Курение очень вредно для здоровья. А ты еще совсем маленький.

Мальчик демонстративно повернулся ко мне спиной и выпустил облако дыма. Мне представилось, как его детские легкие чернеют от смол и, не в силах наблюдать этот акт саморазрушения, я выхватила у мальчика сигарету.

– Дура! Отдай!

– Как ты разговариваешь со взрослыми?

– Немедленно верни! – мальчик затопал ногами, и терпение мое лопнуло. Я достаточно в своей жизни натерпелась от взрослых мужчин, еще и недоросли всякие мне будут указывать.

Схватив его за руку, я потребовала:

– Веди меня к своим родителям! Пока не отведешь, не отпущу!

– Моя мама уехала! Далеко! В Париж!

– Значит, веди меня к папе!

– И что, ты думаешь, он мне сделает? – нагло вато осведомился ребенок.

– Если ничего, так тем более, веди меня.

Минут пять мальчик молча и упорно отбивался. Убедившись, что я не сдамся, с мрачным видом повел меня к подъезду. Моему подъезду, на мой пятый этаж, к моей квартире! Нет, все-таки к соседней... Заспанный Эрик открыл дверь.

– Что такое, Деструктор? – несмотря на столь странное

обращение, эти двое были явно знакомы.

– Он курил, – пожаловалась я.

– Вот как? Ну да он взрослое семилетнее существо. Все права, тра-та-та, в том числе право быть идиотом, и если уж решил употреблять, пусть употребляет. Да, Деструктор? Есть у тебя еще сигареты, или тебе подкинуть денег?

Мальчик, почему-то называемый Деструктором, показал Эрику пачку и степенно удалился в глубь квартиры.

– Как хорошо, что все быстро разрешилось, – сказал Эрик.

Минуту я молчала, погруженная в состояние глубокого шока. Потом подобрала челюсть и набросилась на Эрика.

– Как можно быть таким безответственным со своим младшим братом?

– А он мне не брат, – Эрик задумчиво почесал подбородок. – Он мой сын.

– Чего?! Сколько тебе лет?

– Двадцать два.

Я провела нехитрые математические расчеты, и моя челюсть снова отпала.

– Тебе что, было пятнадцать, когда он родился?

– Нет, пятнадцать мне только на следующей неделе исполнилось.

Почувствовал, что вот-вот сорвусь и заорю благим матом, я развернулась, ушла в свою квартиру и громко хлопнула дверью. Бесполезно с этой наглой рожей разговаривать. И такие идиоты воспитывают детей! Да у него самого еще мозги

не выросли! Кошмар! Я задумалась, не обратиться ли мне в центр защиты детей, но решила понаблюдать до воскресенья. И пусть только он...

Утром, пока маршрутка везла меня к похожему на замок офисному зданию, в котором тем не менее меня ожидали вполне себе средневековые пытки, я перебирала вчерашний разговор с соседом и все еще страшно злилась.

Едва Ирина отошла, я принялась изливать свои фонтанирующие переживания Диане.

– Мой сосед ненормальный! Ему плевать на все! Водит к себе подозрительных женщин! Да еще и ребенка заделал в четырнадцать лет! Шпана!

– Бывает, – Диану ничего не могло пронять. – Заделали, родили.

– В четырнадцать лет? Да это же девятый класс, даже восьмой!

– Школьники сейчас очень активные, – пожала плечами Диана.

– Но не до такой же степени! Я вот в школьные годы не занималась сексом.

– Учитывая твои заморочки, я бы не удивилась, если бы ты сказала, что вообще никогда не занималась сексом.

Ее шутка задела меня до глубины души. Даже губы задрожали.

– Что ты хочешь этим сказать? Что я страшная, толстая, еще какая-то не такая, и меня никто не хочет?

– Нет, – удивилась Диана. – Я просто пошутила.

– Знаю я такие шутки. Это неправда. Я занималась сексом, занималась!

– Да на здоровье, – отмахнулась Диана.

– Я ЗАНИМАЛАСЬ СЕКСОМ! – закричала я.

Повисла странная пауза. И тут я заметила неподалеку Роланда. Слегка обалдевший, он стоял рядом с каким-то высоким, по-деловому одетым человеком в очках. Оправившись от потрясения, Роланд прочистил горло и вымолвил, обращаясь к незнакомцу:

– А это наш отдел по подбору персонала, – направленный на меня взгляд обещал смерть только после длительных пыток.

– Мы обсуждали приемы... хэдхантинга², – попыталась оправдаться я, но лучше бы уж молчала.

Человек в очках взглянул на меня с игривой искоркой во взгляде.

– Пойдемте, – поторопил его Роланд и сжал губы в ниточку.

– Вечно вы с Ярославом в эпицентре сексуального скандала, – пробормотала Диана.

Я пугливо поежилась и спряталась от мрачной действительности, погрузившись в не менее мрачный процесс вери-

² Хэдхантинг (от англ. «охотники за головами») – одно из направлений поиска и подбора персонала, когда ценным кадрам предлагают перейти в другую компанию, заманивая лучшими условиями, высоким уровнем оплаты и т. д.

фикации базы данных. Когда я уже задыхалась и чувствовала на себе всю тяжесть мира, позвонил Федя.

– Давай в субботу посидим где-нибудь.

Я даже знала, где. В «Бочке», «Зелененьком» или «Золотом леще». Но мне хотелось, чтобы в этот раз меня поцеловали, а не икали мне в лицо. Да и сколько можно пить?

– Давай просто погуляем, – решила предложить я. – По набережной, например.

Он поддержал мою идею с неожиданным энтузиазмом.

В субботу я ждала возле спуска на набережную, одетая в легкую джинсовую куртку и светло-бежевую, призывно развевающуюся юбку. С реки дул свежий, прохладный ветер, и я расправила плечи, наслаждаясь чудесным днем.

– Какая ты красивая, – отметил беззвучно подкравшийся Федя и легонько поцеловал меня в висок, после чего я поняла, что настоящих поцелуев уже не предвидится – от него так дохнуло перегаром, что следовало бы повесить ему на грудь табличку: «Осторожно! Огнеопасен!»

– Ты опять пил?

– Да встретил вчера старого друга... посидели...

Я уныло кивнула, чувствуя, как настроение начинает портиться, и мы пошли вдоль набережной.

– Мороженое?

– Можно.

– Одно мороженое и бутылку пива, – обратился он к ближайшей киоскерше.

– А пиво зачем? – встрепелулась я.

– Да ладно, я же не водку бутылками глушу.

В его словах был резон, тем не менее мой эмоциональный уровень упал еще на пару делений.

Вышагивая по брусчатке и попивая пиво, Федя громко восторгался всем и вся – набережной, Волгой, небом, собачкой на поводке у девочки. Озираясь, я втягивала голову в плечи. Опорожнив бутылку, он предложил мне второе мороженое. Я отказалась. Тогда Федя просто купил пива. Я заметила, что он уже начал загребать ногами.

– Между первой и второй перерывчик небольшой, – заявил он, не прошло и десяти минут.

– Это третья! – напомнила я, и, против воли, мой голос прозвучал раздраженно. В конце концов, я имела на это право. Он пришел встретиться со мной или пить? Хотя лучше мне не слышать ответа на этот вопрос...

Федя просунул голову в киоск.

– Да, у меня есть рубль семьдесят... вот... а вы знаете, у вас очень красивые волосы. Очень красивые. Смотрятся прямо как настоящие.

– Людям нравится, когда им говорят приятные вещи, – пояснил Федя, возвращаясь ко мне. – Давай говорить!

– Давай лучше ты поедешь домой... приляжешь на диван... поспишь, – лепетала я, но его было не остановить.

– Какая прелестная девчужка, – сказал он мамаше, заглядывая в коляску. – Покупайте ей больше красивых платьиц.

– Это мальчик.

– Не успеете заметить, как подрастет и начнет таскать у вас косметику.

– Это мальчик!

– Толпу парней очарует...

– Да отвяжитесь вы!

– Федя, – вцепившись, я оттащила его на несколько метров.

– Видела, как она улыбалась? Матерям лестно, когда хвалят их детей.

Скорее уж скалилась, и ее можно понять... Федя пошатывался, даже при том, что я держала его под руку. Какая гадкая ситуация! Пренеприятная! Теперь, главное, не думать о том, что она не может стать еще неприя... тут мне на нос капнула дождинка. Чего? Небо же было ясное?! А что еще стряется? Град? Ураган? Землетрясение?

– Переждем дождик, – перехватив мою руку, Федя поволок меня к забегаловке с красноречивым названием «Пьяный заяц».

Ну почему именно бар оказался поблизости? Почему не кафе-мороженое? Почему не клиника по лечению алкогольной зависимости?

Внутри Федя уверенно устремился к бармену.

– Пива, козел! – решительно потребовал он.

Бармен, высокомерного вида юноша с темными приглаженными волосами, поднял на него внимательный взгляд.

– Что, простите?

– Пива, козел! – Федя выразительно ударил по стойке кулаком.

Лицо бармена оставалось все таким же невозмутимым.

– Почему бы вам не выйти проветриться.

– Да ты борзеешь, нахал! – мгновенно вошел в раж Федя. –

Щас как дам в нос!

Немедленно подскочивший охранник скрутил Федины белы ручки и вышвырнул его за дверь, придав такого импульса, что Федя пролетел еще метра два, прежде чем приземлиться в лужу.

– Что это было? – вскрикнула я, выскакивая за ним под дождь.

– Не понимаю, – Федя неловко поднялся и заморгал. – Я всего лишь сказал, что мне нужен «Козел». Светлый.

– «Козел», что ли? Ты так странно ставил интонации, что никто тебя не понял! Сильно ударился? Сильно промок?

– Я без своего не останусь... вон магазин.

Я была не в силах спасти магазин от Фединогo явления, поэтому поспешила следом, недоумевая, что мешает мне просто развернуться и уйти.

– Федя, что случилось? Тебе пора остановиться! Ты уже достаточно пьян! Слышишь, я обижусь!

Схватив с полки пару бутылок, Федя с нежностью прижал их к груди. Я понадеялась, что мы хотя бы сможем выйти из магазина без историй, но мне, как всегда, не повезло. В оче-

реди у кассы перед нами стоял полицейский. Это был самый компактный полицейский, какого мне приходилось видеть, к тому же у него были типично монголоидные черты лица, и Федя не смог его проигнорировать.

– Смотри-ка, мини-полицейский, – хихикнул он. – Наверное, он ловит только мини-преступников и расследует только мелкие правонарушения.

Полицейский бросил в нашу сторону кислый взгляд и сказал продавщице:

– И шоколадку, пожалуйста. Маленькую.

– Куда ему большую, – фыркнул Федя. – Он к этой-то не знает, как подступиться.

– Не хаами, – зашипела я, уже отчетливо различая блеск ярости в темных узких глазах полицейского.

– Вот к чему приводит недостаточное финансирование правоохранительных органов, – Федя разливался соловьем, постепенно увеличивая громкость. – Этот полицейский такой маленький, что ему приходится писать свое имя со строчной буквы. Он такой маленький, что когда допрашивает свидетелей, те просят его позвать отца. Он такой маленький, что для сохранения равновесия ему приходится носить пистолет в одном кармане, а патроны к нему в другом. Он такой маленький, что...

– Это оскорбление представителя власти, – подскочив к Феде, отчеканил коротышка металлическим голосом. – Просьба пройти со мной в участок.

– Простите его, он не в себе, – взмолилась я. – Вы такой сильный, такой смелый, пожалуйста, будьте снисходительны к маленькому недотепе!

Кто-то в очереди рассмеялся, а кто-то обругал нас за то, что мы всех задерживаем. Утащив в укромный угол, я долго уламывала оскорбленное правосудие, а Федя тем временем глупо улыбался в пространство и раскачивался на ногах.

– Спасибо-спасибо, простите-простите, – сказала я, выставляя Федю на улицу, где дождь успел набрать силу.

– Передавай привет дружественному нам Китаю! – радостно гаркнул Федя, и нам пришлось бежать.

Когда мы остановились, я тяжело дышала, а моя юбка была вся забрызгана грязью.

– Это отвратительно! – закричала я. – Ты напился как... как... сильно напился. Думаешь, мне нравится такое свидание?

– Но я не пью, – удивился Федя. – Я бросил.

– Все! С меня хватит! Я иду домой!

– Но я не пьян, – повторил Федя.

– Да ты еле на ногах держишься!

– Еще как держусь! Я даже могу попрыгать! Я даже могу...

Я проследила за его взглядом и закричала:

– Нет! Нет!

Но он уже перемахнул ограждение и пополз по постаменту вверх, цепляясь за выступы с обезьяньей ловкостью... и вот он оседлал статую любимца детей, страстно обхватив ее

ногами.

– О господи! Слень с Лезина! То есть слезь с Ленина! Тебе костей не собрать, если ты оттуда рухнешь!

Федя идиотски рассмеялся.

– Видишь, как я умею? Мама меня сюда часто водила... и сматывалась... а чем еще мне тут три часа было заниматься? Ленин-дедушка, – Федя нежно прижался щекой к щеке статуи. – Как же много ты для нас сделал...

– Спускайся вниз! Тут уже народ собрался! Тебя фоткают на мобильники!

– Народ? Народ! Товарищи! Землю крестьянам! Фабрики рабочим!

Кто-то в толпе со смехом посетовал на весеннее обострение. Реакция Феди была моментальной:

– Это засланник мирового империализма! Его не слушайте! Меня слушайте! Задачи партии: немедленный съезд партии! перемена программы партии! перемена названия партии! Голосуем, товарищи!

– Он с тобой? – спросил меня лысый мужичонка в толстовке, тыкая мне в лицо своим мобильником.

– Я не знаю этого человека!

– Да кто же не знает вождя мирового пролетариата! – возмутился Федя. – Пролетариата было вот сколько... – он развел руками, пытаясь показать, как много было пролетариата, но едва не упал и снова вцепился в статую. – А он всех их объединил, воедино созвал и единою черною волей сковал

в Мордоре, где... хотя о чем это я? Ленин был добрым! Он лампочку Ильича изобрел!

Толпа гоготала. Кажется, я единственная переживала, что он упадет и сломает себе шею. Вздохнув, я отошла вызвать пожарных. Ожидая их прибытия, я тоскливо поджимала озябшие пальцы в промокших туфлях. Народ потихоньку рассосался. Федя наконец утомился и повис на статуе, покряхтывая от напряжения. Дождь усилился. У меня зуб на зуб не попадал. Я не заслужила всего этого. Чего уж там, даже Ленин не заслужил. Спустя полчаса приехали пожарные и начали смеяться над Федей, а я потихоньку сбежала.

Дома я налила себе горячую грелку и легла на кровать вниз лицом, чувствуя, как внутри все дрожит после пережитых волнений. Можно предположить, что я заснула, если основываться на том, что меня разбудили. В дверь стучали настойчиво и часто, но главное – зачем, ведь есть же звонок?

– Кто там?

– Открывай, подлюга.

Наверное, уже можно было догадаться, что пришли ко мне не с лучшими намерениями, тем не менее дверь я открыла, окончательно убеждаясь в наличии у себя синдрома жертвы. За дверью меня ожидала маленькая (наверное, до звонка она просто не дотянулась) старушка, похожая на крыску – вся серенькая, одежда тусклая, носик остренький.

– Здравствуйте. Вы по какому вопросу?

– Все ты, мерзавка, знаешь, – проворчала бабулька, реши-

тельно продвигаясь в мою квартиру.

Неспешно оглядевшись, она достала из своей тряпичной сумки потрепанный цветастый зонтик. Я наблюдала за ее действиями с некоторой настороженностью – так сидящий посреди дороги голубь смотрит на приближающийся автобус.

– Если полиция вас не карает, придется мне самой, старой, братья. При коммунизме таких скверных девок не было... развелись, поганки, при новой власти!

– Бабушка, вы о чем? Вы меня с кем-то перепутали?

– Как же я тебя, гадюка, перепутаю. С сыном моим встречалась? Федей звать?

С сыном? Должно быть, он очень поздний ребенок... и, как я знала, единственный. Что, видимо, означает, что мне будет особенно сложно мирно договориться с его возмущенной родительницей.

– Да-а, – начала я, и тут она ударила меня зонтиком. – Ай!!! Что вы делаете?!

– Больно? А сердцу материнскому не больно? Два года он не пил... мать радовал... работу нашел... хороший стал мальчик... дома сидит, в игры играет... и тут ты, паскуда драная, ему встречаешься... и все!

– Слушайте, если ваш сын влюблен, в этом нет ничего...

– Как же, в любви он! В запое!

Говоря все это, старушка мелкими шажочками приближалась ко мне, помахивая зонтиком с небрежностью настояще-

го братка. Я пятилась от нее, пока не уперлась задом в стол. И тут она с воинственным кличем сделала сокрушающий ребра выпад, после чего началась сценка из ситкома, когда все бегают друг за другом и кричат, только веселой музыки не хватало. Кто-то мог бы сказать, что это нелепо, убежать от старой бабушки, но они просто не знают настоящих русских бабок, рожденных на вольном хуторе закаленными войной матерями, вскормленных настоящим молоком и свехвитаминами яблоками, затем поставивших удар локтем в советских очередях, укрепивших нервную систему в чернухе 90-х и на пенсии пробудивших в себе берсерка путем ежедневного двенадцатичасового просмотра криминальных передач.

Внезапно появившийся Эрик прервал нашу идиллию.

– Что за шум, а драки... и драка.

– Еще один разгильдяй, – рассмотрев Эрика, резюмировала старуха, подступая к нему с зонтиком, но Эрик с неожиданной легкостью развернул ее, обхватив поперек туловища, оторвал от пола и понес к двери, несмотря на отчаянные попытки пнуть его по коленям.

– Бабушка, там в магазине в конце улицы сахар продают по дешевке. Прямо-прямо, а потом налево.

Распрощавшись со своей бесноватой ношей и вернувшись в комнату, он рухнул на диван и заявил:

– Ты меня поражаешь.

Я все еще не могла перевести дыхание.

– А при чем тут я? Это все она.

– Только не говори мне, что это нормально, когда чокнутые пенсионерки лупят тебя в твоём же доме.

– Черт, я не знала, что он алкоголик... тогда, наверное, я действительно виновата.

– Если я правильно понял по отрывочным воплям, доносящимся из-за стены, алкоголиком он был до тебя, так что вряд здесь есть твоя вина.

– Спасибо, что помог мне.

– Да не за что. Люблю идиотские ситуации. Они меня забавляют.

Мы помолчали с минуту, затем я спросила:

– Как Деструктор?

– Бросил.

– Зачем ты вообще разрешил ему курить?

Эрик тяжело вздохнул.

– У него невероятно упрямый характер. К тому же его новые старшие приятели не из самых благополучных семей. Я могу втирать ему о вреде курения до бесконечности, но его друзья скажут, что это круто, и он согласится с ними, тем более что сигареты запретны и оттого ещё более желанны.

– Значит, следует ограничить его общение с теми ребятами.

– И как это сделать? Перевести его в другую школу, скорее всего, такую же по контингенту? Запереть в четырех стенах? Повесить датчик слежения на щиколотку? Начнется война не на жизнь, а на смерть. Не вариант. А так он за день наку-

рился до рвоты, теперь ему противно, и он говорит, что курят только дураки.

– Я поняла, что ты хотел сформировать внутреннюю позицию, но это прокатит не с любым ребенком.

– Когда мне было девять, со мной еще как прокатило. И своего сына я знаю.

– Где его мать?

– Мы были женаты, недолго, потом расстались. Сейчас она в постоянных разъездах.

– И поэтому ты приглашаешь к себе этих женщин?

– Каких женщин?

– Я видела... блондинку, рыжую.

Эрик рассмеялся.

– Это моя мама. Она часто меняет цвет волос. И у нее эксцентричная манера одеваться.

– Но возраст...

– Она родила меня в пятнадцать. И выглядит молодо.

– Так это у вас семейное? Ранние дети?

– Да.

– Но ты же обсуждал тогда, в коридоре... тебе прислали девушку...

– Мы с приятелем делаем на компьютере модели персонажей для одного проекта.

– Знаешь, вот сейчас с тобой разговариваю... и вроде нормальный человек. А казался таким неадекватным...

– Почему?

– Красные глаза... какие-то таблетки... ужасные компьютерные игры... и ты еще сказал мне, что занят!

– У бывшей владелицы квартиры была собака. У меня на собак аллергия, отсюда таблетки. Я собираюсь стать разработчиком компьютерных игр, а пока не стал, набираюсь знаний и берусь за любые проекты. Например, тестинг – это когда вылавливаешь в игре баги, то есть ошибки, чтобы разработчик мог их исправить. В тот период у меня был грандиозный завал. Я двое суток не спал. Уж прости, мне было не до налаживания добрососедских отношений.

Я изумленно улыбнулась.

– Как легко все объяснилось! И надо было только сесть поговорить!

– Или чтобы вредная старушенция побила тебя зонтиком. А вообще недоразумения порождает недостаток коммуникации, как было показано в «Убойных каникулах». Ты видела этот фильм? Он о том, как городские придурки приняли двух деревенских мужиков за маньяков.

– Не видела.

– Классный. Пошли посмотрим.

– Прямо сейчас?

– А почему бы и нет? Я не маньяк, честно.

– Уже поздно... а, ладно. Все равно мне не уснуть.

Его квартира, освещенная приглушенным мягким светом, в это время суток показалась мне уютной, несмотря на ее захламленность (в углу по прежнему красовалась груда нерас-

пакованных коробок, оставшихся с переезда).

– Деструктора нет, он у бабушки. Жаль, его любимый фильм.

Мы скинули на пол стопки журналов на компьютерную тематику и сели на старый, рыхлый диван. Несмотря на чрезмерное обилие мерзостей, фильм мне понравился, хотя я все же сочла, что его не стоит смотреть детям раньше четырнадцати или даже двадцати.

После фильма Эрик принес кофе и маленькие цветные зефирюшки, и, взбодренная кофеином и глюкозой, как-то незаметно для себя я выложила Эрику обо всех этих дурацких ситуациях, происходивших со мной в последнее время. Даже о моем плане наладить личную жизнь в течение года. Это все было очень глупо, но слова так и прыгивали с моего языка. Наверное, мне просто слишком долго хотелось об этом поговорить, в итоге прорвало с первым встречным. Эрик так искренне, самозабвенно смеялся, что казалось глупым обидеться. И у него обо всем было свое мнение.

– Как-то странно ты рассуждаешь. Ну найдешь ты себе мужа, и?

– Что «и»?

– Твоя жизнь сразу станет замечательной, бабочки да плюшевые мишки?

– Это слишком сложный вопрос. Не уверена, что хочу обсуждать его сейчас, – вздохнула я. – Знаешь, что самое нелепое? Я по образованию психолог.

Эрик фыркнул.

Вернувшись в свою квартиру под утро, я сразу заснула, только и успела подумать, что нам с Федей предстоит очень сложная беседа.

Вечером воскресенья, когда Эрик постучался ко мне, я находилась в растрепанных чувствах.

– Он удалил меня!

– Странно. Ты все еще здесь.

– Из «контакта»! Молча взял и удалил!

– Тогда успокойся. Его могущество не распространяется дальше «контакта». В реальном мире ты в безопасности. Слушай, я тут собрался побродить по округе. Составишь компанию?

Наверное, он сто раз пожалел, что позвал меня, потому что я всю дорогу жаловалась на свою горемычную жизнь. Впрочем, внешне Эрик недовольства не показывал. Он был такой простой, с ним было так легко. Мы летели, как два воздушных шара.

– Да, он поступил по-свински, не извинился, исчез. Тебе-то чего расстраиваться?

– Как это? У меня был парень, а теперь нет!

– Нужен тебе такой парень? Ушел и пусть, выпей кофе, забей, забудь.

– Мне нужен кто-то, – упавшим голосом призналась я.

Шедшая навстречу ярко накрашенная девушка лет двадцати смерила нас взглядом, и я вдруг задумалась, как вы-

гляжу рядом с Эриком, – я, схватившая по привычке рабочую одежду и теперь вся такая офисная, и Эрик, чьи вещи гладили разве что до того, как он их купил.

– Надо тебя познакомить с моей мамой.

– Вряд ли это решит мою проблему.

– Ты не смотри, как она одевается. Она очень умная.

– И как это поможет с моей проблемой?

– Она действительно очень умная.

– Но...

– Слушай, ты чересчур заморачиваешься, – Эрик резко затормозил, развернувшись ко мне, и я едва не врезалась в него. Ветер ерошил его светлые волосы, щеки порозовели от свежего воздуха и энергичной ходьбы. Он выглядел таким юным. Двадцать два года... прекрасный возраст. Жаль, в свое время я этого не понимала.

– Тебе легко говорить. У тебя вся жизнь впереди.

Он посмотрел на меня с искренним недоумением.

– И что? У тебя тоже.

Глава 5: Ужасный ребенок

Наши отношения с Федей были столь же неидеальны, сколь и непродолжительны, но после внезапного разрыва я обнаружила, что вокруг меня стало темнее. День за днем я тратила свою жизнь на верификацию нашей бесценной базы данных (во всяком случае, я должна была считать ее таковой, иначе мне пришлось бы признать свою деятельность совсем бессмысленной). К пятнице я обнаружила, что окончательно и бесповоротно впала в депрессию.

Полученное от начальницы приглашение на randevу не улучшило моего настроения. Направляясь в сторону маленькой комнаты для собеседований, я гадала, что такое собирается сказать мне Ирина, если для этого ей потребовалось уединение. Однозначно, это будет не признание в любви.

Ирина сразу взяла быка за рога:

– Ты не улыбаешься.

Вот уж чего я не ожидала услышать.

– Что? – я непроизвольно улыбнулась смущенной, жалкой улыбкой.

– Ты ходишь с мрачным, замкнутым видом, чего корпоративная культура нашей компании категорически не приемлет. Сотрудники «Синерджи» обязаны излучать оптимизм и дружелюбие.

Да уж, сама Ирина так и излучала дружелюбие... впору

ставить на нее желтый знак с черепом и скрещенными костями: «Опасно! Ядовитые вещества!»

Я снова неловко улыбнулась.

– Простите... извините... сейчас у меня черная полоса, и...

– У всех бывают черные полосы, – перебила Ирина. – Но это не должно влиять на твое поведение на работе. Ты никогда не добьешься повышения в должности, если не будешь следить за выражением своего лица. Самое главное для построения карьеры – производить правильное впечатление. Никогда не знаешь, когда встретишь человека, который потом тебе поможет. Сегодняшний менеджер завтра может стать начальником отдела, или даже директором, и потянет тебя за собой. Именно поэтому необходимо быть любезной, очаровательной с каждым сотрудником. Улыбка – это ключ к симпатии людей. Ты должна сиять улыбкой, даже здороваясь с уборщицей. Посмотри на меня. У меня полно проблем. Но по мне же этого не скажешь, – Ирина зверски оскалилась, и ее суховатая по причине излишней худощавости кожа натянулась на лице, ясно обрисовывая череп.

– Да, по вам не скажешь, – испуганно соврала я.

Покивав, поблагодарив и – конечно – улыбнувшись, я выскочила из кабинета, кипя от возмущения. Возможно, совет Ирины и был хорош, но тогда ей самой не помешало бы ему следовать. Я не была осведомлена, как сложились ее отношения с нашей уборщицей Ритой, но Ирина даже с нами,

сотрудниками собственного отдела, никогда не здоровалась, пролетая мимо с видом снежной королевы. И потом, я не считала себя недружелюбной. Я никогда никому не грубила, я всегда была рада помочь, и замечания Ирины оставили у меня ощущение несправедливости.

Тем не менее весь остаток дня, стоило кому-то бросить на меня взгляд, я раздражалась суетливой, испуганной улыбкой, утешаясь лишь тем, что завтра суббота и мне не придется прозябать в этой пыточной под суровым взглядом главного инквизитора.

Диана весь день искоса поглядывала на меня, лениво пощелкивая по клавиатуре (с приходом Ирины в «Синерджи» Диана нечасто проявляла усердие), а в шесть внезапно сказала:

– Пошли-ка выпьем пива.

– О... конечно!

В задымленном многолюдном баре неподалеку от нашего офисного здания место нам нашлось только за стойкой, но я все равно очень радовалась, что Диана позвала меня. До этого мы ограничивались общением на работе. Однажды я была у нее в гостях, но только в связи с выполнением общего задания для тренинга профессионального роста.

Мы заказали пиво и не начали говорить, пока не влили в себя по кружке.

– Дела у нее ни шатко ни валко, – сказала Диана. – Еще есть надежда, что ее выпрут по окончании испытательного

срока. Но это вряд ли.

На темных волосах Дианы мерцали золотистые блики, и я, наверное, в сотый раз подумала, какая же она красивая, загадочная, как чужестранка.

– Почему?

– Потому что руководство, нанявшее ее, ни за что не признает своей ошибки. Это же как сознаться в собственной некомпетентности.

– Но если она неэффективный сотрудник, это же убыточно для компании.

– Ну и что? Тщеславие и гордость отдельных людей выше интересов компании, и уж тем более наших с тобой.

– Мне никогда этого не понять.

– Хорошо. Значит, ты нормальная. А я разведываю потихоньку, смотрю вакансии. Буду претендовать на начальника отдела.

Я вздрогнула.

– Смысл оставаться. Эта сучка не даст мне подняться, а мазохистское удовольствие работать с ней само по себе меня не привлекает.

– Мне будет очень грустно без тебя, – призналась я.

– А чего грустить? Тоже уходи.

– Легко сказать. Кому нужна сотрудница, пять лет протоптавшаяся в ассистентках?

– На твоём месте я бы задумалась, нужна ли мне компания, пять лет протоптавшая меня в ассистентках.

– Наверное, я плохо работаю.

– Глупости, ты хорошо работаешь. Во всяком случае, не хуже остальных. Просто ты тихая, незаметная. Другая бы уже давно пошла к Ярославу и стукнула кулаком по столу.

– И ее бы уволили.

– И ее бы повысили. Как минимум начальник бы узнал о ее существовании. А то Ярослав в упор тебя не видит, даже после череды ваших эротических приключений.

От замечания, что Роланд не видит меня в упор, я мгновенно впала в уныние, поэтому сказала:

– А мне все равно.

Диана деловито помахала рукой, подзывая бармена.

– Еще по кружке, пожалуйста. С этим Федей у тебя все, я так понимаю?

Я кивнула.

– А что такое?

– Неразрешимые противоречия. Я бы предпочла встречаться с ним без пива, а он – с пивом без меня. Зато я, кажется, подружилась с моим соседом. Оказывается, не такой уж он и плохой.

Диана загадочно хмыкнула.

– Ничего подобного, – возмутилась я. – В этом смысле он совершенно меня не привлекает.

– Почему? Он страшный?

– Нет, он довольно симпатичный... особенно если его причесать и прилично одеть. Но он мальчишка. Да еще

успевший сделать другого мальчишку. Стабильной работы нет, образования нет, своего жилья нет, интересы более чем странные. И к тому же в нем едва наберется 175 сантиметров роста.

Диана фыркнула, выслушав поток моих комментариев.

– Не такой уж мальчишка. Всего на восемь лет младше тебя.

– Даже без прочих обстоятельств, восемь лет – это пропасть. Я не приемлю таких отношений. Мне нужен нормальный, взрослый мужчина.

– Так и этот подрастет, – ухмыльнулась Диана. – Представляешь, как это удобно, когда твой парень живет по соседству.

– Ага, а потом уже твой бывший живет по соседству... хотя о чем я? Даже думать на эту тему не хочу. Да и он мною заинтересовался не более, чем я им.

– А ты действительно им не заинтересовалась?

– Когда вчера он зашел попросить черного перца горошком, я открыла дверь с маской из голубой глины на лице, да еще и в шортах для похудения.

– Значит, действительно не заинтересовалась... ну и как шорты для похудения?

– С ними, кажется, у меня не больше перспектив, чем с соседом. Деньги на ветер, – вздохнула я.

– Ладно, допивай и пойдем. Я замоталась сегодня. И мечтаю снять эти туфли.

Я была рада, что мы ушли от скользкой темы. Обсуждение Эрика в сексуальном контексте меня очень смущало. Он виделся мне кем-то вроде старшекласника, на фоне которого я смотрелась побитой жизнью учительницей средних лет. Какая-то ментальная педофилия, бр-р.

Не успела я вернуться домой, как объект пристального внимания двух старых похотливых теток явился собственной персоной.

– Привет. Что у нас на ужин?

– Ничего... А в чем дело? – на самом деле я не очень удивилась его появлению. Эрик был из тех, кому не стоит давать палец, если вы намерены сберечь руку. После того, как он спас меня от некой сверхагрессивной старушки, он стал частым и незванным гостем в моей квартире, то и дело вдруг появляясь под различными предлогами. По правде, мне уже начинало не хватать моего уединения.

Ничтоже сумняшеся, Эрик ввалился в мою кухню и заозирался в поисках чего-нибудь съедобного.

– У тебя есть мука? Если ты сделаешь тесто, я могу напечь оладьи. Ты любишь оладьи? Деструктор обожает.

– Вы что, у меня будете ужинать?

– Да, – Эрик снял крышку с заварочного чайника и заглянул внутрь.

– А в чем, собственно, дело? – происходящее все больше напоминало рейдерский захват, и я уперлась руками в бока.

– У меня на кухне Robotron CM 1910! – Эрик улыбнулся.

ся широчайшей, сияющей улыбкой, глядя мне в глаза с таким выражением, будто только что сообщил, что Дед Мороз реально существует. – Много-много Роботронов! Один мой приятель работает в университете и, представляешь, нашел это чудо в подвале, куда их свалили словно какой-то хлам! Чудовищно!

– Кто... что такое вообще этот «Роботрон»?

– Компьютер 86 года выпуска! X86 совместимость! Мощность 600 ватт! Шикарный монохромный черно-зеленый монитор! Прелесть! Одиннадцать штук! Из них четыре работают!

– Здорово, – вяло согласилась я. – Но у тебя же есть компьютер. Цветной.

– Это другое, – Эрик раскрыл навесной шкафчик и с удовлетворенным видом извлек пакет муки.

– И что ты намерен с ними делать? Так и оставишь на кухне? – если откровенно, волновалась я не за кухню Эрика, а за свою собственную.

– Буду чинить. А потом... не знаю. Но я согласен отдать их только в добрые руки.

– Если они такие старые, не проще ли их выбросить?

У Эрика отвисла челюсть.

– А «Мону Лизу» тоже выбросить? Потому что старая? Это же история!

– Ладно, ладно, – сдалась я и полезла на верхнюю полку за миксером.

Когда дело не касалось компьютеров, Эрик был сносным собеседником. Я рассказала ему про беседу с Ириной, и Эрик рассмеялся, сказав, что эта чокнутая, должно быть, здорово развлекает наш офис. «По меньшей мере у вас всегда есть тема для разговоров за обедом». Я не могла воспринимать ситуацию столь же позитивно и еще раз порадовалась, что завтра суббота. Болтая, мы как-то незаметно совместными усилиями напекли целую гору оладьев, и я попрощалась со своей талией до маловероятных времен, когда смогу продемонстрировать чудеса самоограничения. В битве с пищевыми соблазнами я всегда проигрывала. Если еда есть, ее съедаешь. Это неизбежно.

– А где Игорек? – я категорически отказывалась вслух называть его Деструктором.

– Смотрит фильм.

– Я позову его, – после того инцидента с курением меня не оставляло ощущение, что сын Эрика меня недолюбливает.

Скрестив на груди руки, Деструктор сидел на диване и с мрачным видом смотрел в монитор (квартира Эрика была загромождена техникой, но обычного телевизора в ней не вошло). Я тоже бросила взгляд: человек в страшной маске смачно кромсал блондинку ножом.

– Ужин готов.

– Угу, – Деструктор не тратил слов понапрасну.

В дверном проеме я столкнулась с неожиданно возникшим Эриком.

– Ты посмотрела моих красавцев? Нет?! Пойдем, покажу!

Вся кухня была заставлена старыми пожелтевшими от времени компьютерами и, действительно, тут даже стакан воды можно было налить только с риском для жизни. Эрик поднял громоздкий системный блок и нежно прижал его к сердцу.

– А вот этот мой самый любимый!

Я притворилась, что не видела. И Диане еще подумалось, что я могла им заинтересоваться... да на этого парня не упадет ни одна женщина в мире!

Уже на собственной кухне (Деструктор все еще «шел») я высказалась:

– Не думаю, что ребенку стоит смотреть такие жестокие фильмы.

– Какие жестокие? Это же старый добрый «Крик».

– Все равно, – я поджала губы. – Все эти сцены насилия могут плохо отразиться на его психике.

– Чтобы повлиять на психику этого ребенка, нужен как минимум Чикатило.

Подошедший Деструктор и глазом не моргнул.

– Не рановато ли было просвещать его насчет Чикатило? – осведомилась я.

– А как тогда объяснить ему, почему нельзя уходить с незнакомыми дяденьками?

Я вздохнула, принимаясь за очередной оладушек. Какая разница, худая я или толстая, меня все равно никто не любит.

Подошедший Деструктор быстро покидал еду в рот и, сухо поблагодарив, отбыл.

– Что это с ним?

– Не обращай внимания. Современные дети такие акселераты, что у них уже в семь переходный возраст.

– Не знаю, – усомнилась я. – Он как будто злится на меня за что-то.

– С чего бы ему на тебя злиться? Только не вздумай задабривать его шоколадками и сюсюкать над ним. Он потеряет к тебе всякое уважение.

– Чтобы я не потеряла к тебе всякое уважение, выкинул бы ты эти джинсы. На них дырки.

– Это вентиляция.

– И бахрома на штанинах.

– Это дизайн.

– Перестань бросаться умными словечками. Это просто очень старые джинсы.

– Это винтаж.

Я махнула на него рукой.

Ближе к полуночи, когда я уже приняла душ и сидела на диване в халате, с тюрбаном из полотенца на голове и с пропитанными борным спиртом ватками в ушах (последняя на телефоне мои бедные ушки безбожно болели), Эрик опять притащился и сел смотреть со мной «Доктора Хауса». Моя квартира уже начинала напоминать квартиру Моника из «Друзей», куда вечно кто-нибудь вваливался. Сил гово-

ритель уже не было, и мы просто сидели в молчании, пока я не отрубилась, не дотерпев до конца серии.

Проснувшись утром, я обнаружила, что полотенце висит на спинке стула напротив, сама я укрыта одеялом, а оставшаяся после вчерашнего ужина посуда перемыта и расставлена по полкам в хаотичном порядке. Все-таки иногда Эрик был очень милым, действительно милым.

Какое-то время я слонялась по квартире, теперь уже искренне надеясь, что сосед придет и спасет меня от моего уныния, но, судя по звукам из-за стены, он в очередной раз спасал мир от опасных пришельцев из космоса. Да-а, это по-настоящему печально, когда выходные тоскливее будней.

Выпихнув себя на улицу и даже проковыляв с километр, на обратном пути я встретила (и как мне удастся все время на кого-то наткаться?) маму Эрика, волочащую за собой сияющего от счастья Деструктора. На ней был шелковый бирюзовый кардиган, под которым не угадывалось юбки, и золотистые босоножки на двенадцатисантиметровых каблучках. Пышные завитые волосы усугубляли ее сходство с куклой Барби. Я вознамерилась потихоньку проскользнуть мимо, но ее радары уже засекли меня, и она завопила, как сирена:

– СО-О-ОНЯ!

Я непроизвольно втянула голову в плечи. Случайные прохожие заозирались, решив, что случилось какое-то несчастье. И зачем вообще меня окликать? Как будто мы подруж-

ки не разлей вода и пьем вместе каждую пятницу! Наверное, нужно было отбросить гордость и спастись бегством, но на меня уже налетел золотисто-бирюзовый вихрь.

– Ты грустная! Еще что-то случилось? Или ты все еще убиваешься из-за этого идиота?

Чертов Эрик... все растрепал своей матери. Впрочем, чего ожидать от этого разгильдяя...

– Кстати о твоих сережках. Ни в коем случае не надевай их в офис.

У нее было такое серьезное лицо, что я невольно прикоснулась к маленьким золотистым колечкам, свисающим с моих мочек.

– Золото притягивает негативную энергию, а затем она курсирует по кольцу. Для вашего гадюшника тебе нужны серьги-подвески, чтобы весь негатив стекал с них. И еще тебе пригодится кулон с лунным камнем – отводит дурной взгляд. С твоей стервой самое оно, если, конечно, ты не собираешься перейти к серьезной магии.

Оглушенная потоком нелепой информации, я и слова не смогла вымолвить, а мама Эрика уже устремилась прочь, подвижная, как ручей. И я еще думала, что Эрик чересчур непосредствен... да, яблочко от яблоньки... Я даже имени этой дамочки не знаю! Как будто подслушав мои мысли, она обернулась и крикнула:

– Альбина! Но вообще меня называют Аля!

Деструктор тянул ее прочь, но она все же гаркнула с рас-

стояния в двадцать метров:

– Мы с Деструктором идем в цирк!

Надеюсь, львы и обезьянки не испугаются ее макияжа. Хотя они привыкли, общаясь с циркачками.

– Эта женщина определенно не от мира сего, – бормотала я, поднимаясь по лестнице. – И Эрик не от мира сего.

Я подумала еще, что и сама немного того, и мне стало грустно.

Вероятно, я действительно нуждалась в средстве для отвода дурного глаза, потому что в понедельник Ирина снова вызвала меня в комнату для собеседований. Войдя, я сразу поняла по ее грозившему лицу, что в этот раз провинилась по-крупному.

– Ты разговаривала с администратором, – тонкие губы Ирины подрагивали от ярости.

Я лихорадочно начала вспоминать, где, как долго и, главное, о чем мы говорили с Эвелиной, но вроде ничего криминального не было.

– Мы только парой слов перекинулись, а потом я побежала работать, правда!

– Меня не интересует, с людьми какого круга ты общаешься во внерабочее время, но, находясь в офисе, ты являешься представительницей компании. Что было бы, если б, например, клиент увидел, как ты по-свойски болтаешь с обслуживающим персоналом?! Как после этого он оценит культуру наших сотрудников и, прежде всего, нашего отдела?

После такого заявления я вдруг поняла, что мама Эрика еще нормальная. Все познается в сравнении. Ирина вот тоже будет вполне нормальна на контрасте с туземцем из племени людоедов, прокалывающим свои гениталии шипами терновника.

– Впредь, прошу, тщательнее подбирай себе собеседника...

– Но, еще на прошлой неделе, вы говорили, что я должна улыбаться даже уборщице!

– Не в буквальном же смысле, – возмутилась Ирина. – К тому же это огромная разница – формально улыбнуться низкостоящему, или же снизить до общения с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.